

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

МАЛЬЧИШКИ, МОИ
ТОВАРИЩИ (СБОРНИК)

Владислав Крапивин

**Мальчишки, мои
товарищи (сборник)**

«Автор»
1957–1963

Крапивин В. П.

Мальчишки, мои товарищи (сборник) / В. П. Крапивин —
«Автор», 1957–1963

ISBN 978-5-457-10332-0

«Собрание рассказов и маленьких повестей, разных по жанру и стилистике, но объединенных единым героем – мальчишками, с их проблемами, надеждам и переживаниями. Данный цикл объединяет ранние работы автора и может выступать как отражение пробы пера...»

ISBN 978-5-457-10332-0

© Крапивин В. П., 1957–1963

© Автор, 1957–1963

Содержание

Страна Синей Чайки	5
Предисловие	5
Открытие профессора Аргона	7
Находка Эника	9
Приобретение Биромы Бахбура	11
Первая ошибка	13
Эник собирает друзей	15
Сын капитана Дейка	17
План Нааля	19
Железная армия Бахбура	21
Послесловие, (которое, как и предисловие, написано через сорок лет)	23
Камень с морского берега	25
Похищение агента	37
Четыреста шагов	44
Бабочка	49
Победитель	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Владислав Крапивин

Мальчишки, мои товарищи (сборник)

Ранние рассказы. 1957–1963 гг.

Страна Синей Чайки

Предисловие

Горы – отроги Южных Саян – лежали по краю степи и в сумерках были похожи на припавших к земле динозавров. Сумерки густели быстро, и ночь растворяла силуэты гор в непроглядной черноте. Зато в небе разгорались небывало яркие звезды... Посреди этой таинственной – с древними хакасскими могильниками и отбившимися от табунов конями – стояла мазанка. Она гордо именовалась “полевой стан Карасук”.

В мазанке, вместе с несколькими товарищами по студенческому отряду жил автор этой повести. В августе и сентябре далекого 1957 года.

Целина это вам не фунт изюма. После полновесного рабочего дня – на току или в поле – гудела спина, болели руки. Но физическая усталость ни коим образом не убавляла творческие силы и энтузиазм будущего литератора. Он брал карандаш и тетрадку...

Да, творческих сил было много. А умения мало. Опыта – никакого. Писать же хотелось отчаянно. Причем, писать о необычном. О море (которое автор знал лишь заочно, по книжкам А.С.Грина), о парусах (которые автор изучал лишь по иллюстрациям, чертежам и морским словарям), о приключениях и о мальчишках с рыцарскими характерами – дань собственному недоигранному детству.

И автор вдохновенно сочинял. У свечи, у керосиновой лампы, а иногда и у костра. А бывало, что и в кузове тряского грузовика, когда бригаду перебрасывали с одного поля на другое.

Иногда на смену энтузиазму приходило отчаяние. Автор в свои почти девятнадцать лет был не совсем глуп, и порой его постигало трезвое понимание, как беспомощна его первая в жизни повесть. Но остановиться не было сил. Казалось невозможным уйти из страны, где ослепительное море, опасности и друзья. К тому же, страна эта (в тощей тетрадке с красными корочками) в те нелегкие дни просто помогала автору жить...

Лишь исписав сорок три страницы, автор окончательно решил, что работать дальше нет смысла, и спрятал тетрадку подальше. И взялся за другую, более реалистическую (как ему тогда казалось) повесть.

А тетрадка лежала, лежала, и вдруг теперь, почти через сорок лет, автору стало жаль ее. Так бывает жаль свою юность. И он вытащил маленькую недописанную повесть на свет. Как архивный документ...

Вот, что я сочинял в 1957 году...

* * *

Есть на свете страна – Страна Синей Чайки. Мало кто знает о ней. Она лежит на юге, на полуострове, который очертаниями напоминает голову чайки. А воздух там всегда синий-синий...

От материка полуостров отделяют горы Гранитного Ожерелья. Они совершенно непроходимы, и поэтому в Страну Синей Чайки можно попасть лишь по морю.

Весь год согревает Страну теплое южное солнце. От мыса Белый Зуб и до Зеленых Отрогов Гранитного Ожерелья покрыли ее густые заросли и темные южные леса...

Страна Синей Чайки – страна моряков. Днем и ночью приходят в ее порты и уходят из них в океан гиганты-теплоходы и маленькие парусные шхуны.

Самый большой порт и столица Страны – Город Острых Крыш. Он называется так потому, что прежде всего в нем бросаются в глаза разноцветные острые крыши старинных домов, их жестяные флюгера и кружевные блестящие флажки. Но это лишь в старой части города, в той, что лежит у самого моря, на перешейке, который соединяет небольшой полуостров Нижней Губы с сушей. С одной стороны Старый Город выходит своими улицами к бухте Чайкин Зоб, с другой – к скалистому берегу океана.

А в новой части города совсем другая картина: там нет ни старых домов, ни узких запутанных переулков, где между плитами мостовой буйно растет трава; улицы там широкие, а дома настолько высоки, что крыш и не видно...

Здесь, в Городе Острых Крыш, и начались события, о которых я хочу рассказать. А события эти были тревожны, потому что не все благополучно в Стране Синей Чайки. Чудесна эта земля, но по-разному живут здесь люди.

И даже в ранний час, когда город еще спит, а на море ложится первый отблеск розового утра, когда от тишины стоит в ушах тонкий звон, кажется, что это – отголосок тревожных сигналов.

Тревожно в Стране синей Чайки...

Открытие профессора Аргона

Темная южная ночь нависла над Городом Острых Крыш. Флюгера и шпили уже не вырисовываются в небе, потому что ночь чернее их. Светятся в темноте желтые квадраты окон с кружевными переплетами.

Вдали горят огни и рекламы Нового Города. И еще – в глубоком необъятном небе горят яркие звезды.

Звезды больше всего интересуют сейчас профессора Бенэма Аргона, доктора физических, астрономических, химических, математических и многих других наук. Он то смотрит в окуляр небольшого телескопа, то что-то записывает в клеенчатую тетрадь.

Профессор Аргон – замечательный ученый, известный как многими научными открытиями, так и странным характером. Все знают, что, когда профессор чем-нибудь раздражен, он бьет стеклянную посуду, но когда ему везет в работе – не найти в Городе Острых Крыш человека добрее и веселее Бенэма Аргона.

Профессор живет один со своей десятилетней племянницей Нэви. Но сейчас Нэви гостит у друга профессора, художника Веста. Это очень опасно, потому что в случае какой-нибудь неудачи профессор перебьет в доме всю посуду. Но у девочки каникулы, и ей нужно отдохнуть.

Впрочем, пока профессор спокоен. Он даже что-то мурлычет себе под нос, довольный наблюдениями...

И вдруг Бенэм Аргон вздрагивает и в течение получаса смотрит в телескоп не отрываясь: в кружке звездного неба, видимом в телескопе, появляется новое небесное тело. Это звезда зеленоватого цвета. Она медленно передвигается среди других звезд. Откуда взялась эта новая планета? Открытие необычайно волнует профессора Аргона, и он всю ночь проводит в маленькой башенке у телескопа, а утром спускается в кабинет, чтобы вычислить путь, по которому движется планета...

На следующую ночь профессор вновь был у телескопа. Он следил за зеленой планетой до тех пор, пока надвигающийся шторм не покрыл тучами небо. Но наблюдений было достаточно. Сидя в кабинете, профессор покрывал листы цифрами. Он уже не напевал себе под нос, а один раз запустил графином в зазвонивший некстати телефон. Постепенно профессору Аргону становилось ясно, что “Зеленая Искра” (так назвал он планету) на своем пути должна столкнуться с Землей.

На седьмой день, сломав одиннадцать карандашей, разбив еще один графин и восемь стаканов, профессор вычислил, что катастрофа произойдет через шестьдесят семь суток, восемнадцать часов и девять минут. Страшные результаты столкновения нетрудно было представить. Спасти Землю не мог никто... Никто, кроме профессора Аргона.

Недавно профессор закончил работу над изобретением, которое назвал “Розовый Луч”. Особый аппарат испускал необычайно мощный поток атомных частиц, который в темноте казался розовым лучом. Даже с помощью маленькой модели аппарата, построенной профессором, можно было разнести в пыль любую из гор Гранитного Ожерелья. Но, разумеется, для уничтожения далекого небесного тела нужно было иметь громадное сооружение; построить его на свои средства профессор не мог. Для возведения гигантского аппарата “Розовый Луч” в короткий срок нужна была работа всех предприятий электроаппаратуры и металлургических заводов.

Владельцем всех этих заводов был самый богатый человек в стране, миллиардер Биром Бахбур. Его называли Железным Бахбуром.

Он не был членом правительства, но с помощью денег держал в кулаке парламент и президента.

Железный Бахбур создал тайный Совет Восьми; в этот Совет входили миллионеры, “короли промышленности”. Совет фактически управлял страной, а Советом управлял Биром Бахбур.

Основой политики Бахбура была война. В любое место земного шара, где народы поднимались за свободу своей земли, Совет Восьми направлял войска. Сражались на стороне поработителей и гибли за неправо дело отважные легионы Страны Синей Чайки; днем и ночью с конвейеров заводов господина Бахбура сходило новейшее оружие; с каждым днем пополнялись сейфы миллиардера и его компаньонов.

Профессор Аргон понимал, как опасно доверять такому человеку свое изобретение. Розовый Луч, с помощью которого можно было с быстротой молнии бурить шахты, проложить многочисленные туннели в горах Гранитного Ожерелья, чтобы соединить полуостров с материком, мог стать в руках Железного Бахбура страшным оружием.

Но не было ни выбора, ни времени. Кроме того, профессор был уверен, что опасность, нависшая над человечеством, заставит миллиардера принять все меры для предотвращения катастрофы, хотя бы ради спасения собственной жизни.

Профессор взял трубку чудом уцелевшего телефона:

– Алло... Дом господина Бахбура. Секретарь? Говорит профессор Аргон.

– Чем могу быть полезен? – осведомился секретарь.

Крайне раздраженный профессор пояснил, что полезен ему может быть не секретарь, а сам господин Бахбур, к которому он имеет разговор по важному и секретному делу.

– Масштаб дела?

– Мировой, черт возьми!

– Профессор шутит?

– Профессор не склонен шутить в данный момент, так как это весьма опасно...

Не верить столь известному ученому и пренебрегать разговором с ним было нельзя. На вопрос, когда господин Бахбур сможет принять господина Аргона, последовал ответ, что господину профессору не следует беспокоиться. Если дело действительно столь важное, господин Бахбур приедет сам.

– Угодно господину Аргону принять его завтра утром в девять ноль-ноль?.. Великолепно! – Это говорил уже сам Биром Бахбур, подошедший к телефону.

Положив трубку, профессор открыл вделанный в стену сейф и достал прямоугольную пластинку из светлого металла. На этой пластинке, величиной с тетрадку, были выгравированы микроскопические чертежи и формулы – результат многолетней работы ученого над “Розовым Лучом”. Бенэм Аргон не доверял бумаге.

Он взял лупу и, подойдя к раскрытому окну, стал рассматривать пластинку. Было около восьми часов вечера. За окном моросил мелкий теплый дождик. По небу бежали низкие рваные облака – остатки бушевавшего несколько дней шторма. Было довольно темно. Профессор положил пластинку на подоконник и повернулся к столу, чтобы зажечь лампу. При этом он задел пластинку рукавом, и она полетела со второго этажа на улицу.

Схватив карманный фонарик, ученый бросился вниз по лестнице.

Стоит ли говорить, как старательно искал он то, что было для него дороже всех сокровищ! Напрасно обшаривал он каждый квадратный сантиметр на тротуарах и мостовой не только у своего, но и у соседних домов. Часа через полтора, мокрый насквозь, профессор вернулся в кабинет. Копий чертежей и расчетов у него не было. Построить гигантский аппарат по модели, оставшейся у профессора, было нельзя: слишком проста и несовершенна была она. Убедившись в этом, профессор грохнул бесполезный аппарат об пол и лег на диван.

За окном ударил ливень...

Находка Эника

Эник любил свой город. Ему нравилось смотреть, как вечерами на фоне желто-розовых безоблачных закатов, словно нарисованные тушью, чернеют острые крыши, башни, шпили и флюгера. Он любил широкие улицы Нового города и старые переулки с могучими тополями, высокими крышами домов и мостовыми, поросшими травой. Любил Эник густые сады, кружевные мосты над рекою Птичьей Слезы, веселый шум приморского базара, корабли, заходящие в порт, ночные огни и старые дома, хотя своего дома у него в городе не было.

Он был одним из тех, кого горожане называли уличными мальчишками.

Их было немало в Городе острых Крыш. Этих ребят, выброшенных жизнью на улицу, можно было встретить в садах, на бульварах и в переулках; но больше всего их было в порту. Оборванные, худые, но всегда гордые и независимые, они искали работу. Только нестерпимый голод заставлял их выпрашивать мелкую монету у прохожих. Что поделаешь, работы не хватало и для взрослых...

Эник не помнил матери. Его отец, шкипер маленькой парусной шхуны, год назад не вернулся из плавания. Денег от проданных вещей хватило на месяц. Родных не было. Целый год Эник жил на случайный заработок. Чтобы поесть вечером, он целый день ворочал в порту тяжелые тюки, помогал грузчикам. Ночевал он, как и большинство других бездомных мальчишек, в больших пустых ящиках из-под разных товаров. Их было много в порту.

В штормовые ночи, когда волны кидались на каменный мол, как цепные псы, Эник уходил в город. Прижавшись к стене дома, он смотрел на другую сторону улицы, где в окнах зажигались желтые огни, и старался представить, как живут там люди. Эник не завидовал. Просто мальчику становилось теплее, когда он смотрел на светящиеся окна.

Так было и на этот раз. Прислонившись к забору, Эник смотрел на двухэтажный дом с маленькой башенкой над острой крышей. Это был дом профессора Аргона. Глядя на два светлых окна, мальчик думал: “Интересно, чем занят профессор? Вот бы он придумал машину, которая делает хлеб из воздуха! Нажал кнопку – раз, и каравай... Можно было бы накормить всех ребят в порту...” – Голод с утра не давал Энику покоя.

“Или придумал бы профессор такую штуку, которая облегчает вес у корабельных грузов, – мечтал мальчик, – взвалишь на плечи мешок с мукой, а он ничего не весит. Вот было бы здорово!...”

Теплый ливень хлестал по голым плечам мальчугана, мочил непокрытую голову, но Эник не обращал внимания. Он не боялся дождя.

Наконец Эник встряхнулся. Нужно было идти спать. Завтра могла придти шхуна капитана Румба – единственный корабль, на котором всегда была работа для маленьких жителей гавани.

Не успел мальчик сделать нескольких шагов, как что-то острое впилося ему в босую ногу.

Закусив губу от боли, Эник опустился на колено и вытащил из щели между плитами мостовой большую металлическую пластинку с острыми краями. Зажимая порез на ступне, он подскакал на одной ноге к фонарю и стал рассматривать находку. Струи дождя смыли грязь с серебристой поверхности, и Эник рассмотрел чертежи и цифры. “Вдруг эту штуку потерял профессор Аргон, – подумал он. – Если так, то нужно отнести. Пожалуй, можно получить пару монеток на хлеб”. Однако, поглядев на свои босые ноги, мальчуган заколебался. Представил, сколько мокрых следов наделает он в доме у профессора. “Выгонят еще”, – подумал он. Но голод пересилил робость. “Кроме того, вдруг это что-нибудь важное”, – подумалось мальчику, и он направился к дому. Удивившись, что дверь открыта настежь в такой поздний час, Эник поднялся на второй этаж...

Стук в дверь вывел профессора из оцепенения. Он сел на диване, поправил очки и крикнул:

– Войдите!

Когда Эник вошел, профессор увидел не мальчика, а лишь то, что он держал в руках. Радостно вскрикнув, он выхватил у Эника пластинку и бросился к лампе: ни одной царапинки не было на серебристой поверхности.

Бенэм Аргон положил пластинку на стол и повернулся к своему гостю. Перед ним стоял мальчик лет двенадцати, голый по пояс, в старых, больших не по росту брюках. Капли дождя запутались в густых каштановых волосах. Широко раскрыв большие темные глаза, мальчик с удивлением наблюдал за профессором. А тот был полон благодарности к мальчугану, вернувшему изобретение. Обняв Эника за плечи, профессор Аргон немного торжественно произнес:

– Друг мой, ты даже не представляешь, какую услугу оказал человечеству.

Он усадил мальчика на диван и хотел уже расспросить подробнее, как была найдена пластинка. Вдруг он заметил на полу красные пятна.

– Что это такое?

– Извините, господин профессор, но на улице дождь, – оробел Эник, думая, что речь идет о мокрых следах.

– Дождь, но не кровавой, надеюсь, – возразил профессор, – у тебя нога поранена.

Острая боль напомнила мальчику о порезе, и он объяснил, как наткнулся на свою находку.

– Что же ты молчишь!

Профессор принес йод и бинты.

– Больно? – спросил он, смазывая порез йодом. Эник закусил губу, но мотнул головой. Разве он скажет, что ему больно!

– Ты совсем вымок, – сказал профессор, окончив перевязку. – Тебе нужно согреться. Сейчас мы напьемся чаю, и я отвезу тебя домой.

– Домой? У меня его нет...

Профессор смутился. Черт возьми, ему следовало догадаться. Родители не отпустили бы мальчишку вечером под проливной дождь, да еще раздетого.

– В таком случае переночуешь у меня, – говорит он преувеличенно весело, стараясь загладить ошибку.

Эник пробует отказаться, но профессор не слушает его. Он включает электрокипятильник собственной конструкции.

За окном дождь. Эник не боится дождя, но здесь, на мягком диване, все же лучше, чем на улице или в старом ящике из-под табака.

Упоминание профессора о чае решило дело. Пустой желудок Эника требовал подкрепления.

Через полчаса профессор отвел Эника в комнату Нэви, и тот впервые за целый год заснул в постели...

А Бенэм Аргон не спал. Он думал о Зеленой Искре и о предстоящем разговоре с Железным Бахбуром.

Приобретение Бирома Бахбура

Биром Бахбур приехал в две минуты десятого. Профессор встретил его на лестнице и проводил в кабинет. Когда миллиардер расположился в кресле, Бенэм Аргон обратился к нему:

– Господин Бахбур, дело, по которому я обращаюсь к вам, весьма важно. Поэтому я начну без предисловий.

– Прошу вас, господин Аргон.

– Неделю назад, двадцать седьмого мая, я заметил в телескоп неизвестное небесное тело. По моим подсчетам, его масса немного меньше Луны. Я мог бы назвать его новой планетой, но это светило движется не вокруг Солнца, а почти по прямой линии, навстречу Земле.

– Извините, господин профессор, но я не астроном и не понимаю...

– Одну минуту... Примерно через два месяца это светило столкнется с нашей планетой.

Произойдет катастрофа.

– И велики ли будут ее масштабы?

– *Сравнительно* велики – от Земли ничего не останется.

Бахбур не заметил иронии. Хотя глаза его были скрыты за дымчатыми очками, видно было, что он испугался: его маленькая нижняя челюсть с оттопыренной губой отвисла и начала мелко дрожать.

– Вы шутите?

– Я не стал бы тревожить вас ради шутки.

Вдруг у Бахбура мелькнула мысль:

– Вам не кажется странным, что эта звезда никем больше не замечена? Иначе были бы сообщения в печати...

Действительно, профессор был так увлечен своим открытием, что не подумал об этом. Но он тут же нашел объяснение.

– Вам, вероятно, известно, господин Бахбур, что единственная обсерватория Страны Синей Чайки прекратила работу из-за отсутствия средств.

Напоминание пришлось не по вкусу миллиардеру. Он возразил:

– Но за границей...

– Там, вероятно, не успели сделать окончательных расчетов. Я сам закончил их лишь вчера вечером. А для сообщения нужно время.

– Но чем я могу помочь? Разве можно предотвратить столкновение?

– Можно. И только с вашей помощью. С помощью Розового Луча – моего изобретения – можно уничтожить Зеленую звезду. Но для этого нужен гигантский аппарат, который можно построить только на ваших заводах. Это единственное оружие против надвигающейся опасности.

– Оружие? Я его покупаю у вас.

У Бирома Бахбура возникает чудесная мысль: когда будет уничтожено опасное светило, в руках у него окажется могучее оружие, которое сделает его, Железного Бахбура, властителем мира.

– Я покупаю его!

Глаза миллиардера закрыты очками, но чувствуется, что он взволнован: его губы сжаты, пальцы барабают по столу.

Профессор возмущен:

– О какой торговле идет речь, когда всей планете грозит гибель?! Я сам буду руководить работами, – добавляет он.

– Но зачем вам заниматься работой простого инженера? Вам, знаменитому ученому!..

– Речь идет о спасении человечества...

Но господину Бахбуру до человечества нет дела. Он встает и говорит довольно резко:

– Я согласен строить аппарат, но только при условии, что вы продадите ваше изобретение.

– Но если я его не продам, вы погибнете вместе со всеми.

– На моих заводах закончена постройка межпланетной ракеты. Я улечу на Венеру.

– Вы уверены, что там для вас подходящие условия? – не без ехидства спрашивается профессор.

– Уверен. Человеку с такими капиталами, как у меня, везде хорошо.

Бенэм Аргон вздрагивает. Он не ожидал такого ответа. “Сумасшедший?” – думает он и вглядывается в лицо Бахбура. Но дымчатые очки непроницаемы.

Профессор решился. Собственно, выхода не было. Он достал из сейфа пластинку, с которой накануне сделал несколько фотокопий.

– Здесь все чертежи и расчеты. Кто будет руководить работой?

– Инженер Вайкип.

– Знаю. Он должен справиться.

– В случае затруднения вы не откажетесь помочь нам? – спрашивает Бахбур.

– Не откажусь.

– Имея ввиду важность вашего изобретения, я предлагаю пятьсот миллионов танимов. Вас устраивает?

– Я не намерен торговаться, – сухо ответил профессор.

– Отлично!

Бахбур достал чековую книжку и выписал чек.

– Инженеру Вайкипу многое известно в этом изобретении, мы вместе начинали работать над ним, но затем он забросил работу, найдя ее бесполезной, и начал заниматься вашей техникой. Я думаю, он разберется в этом деле.

С этими словами профессор передал пластинку Железному Бахбуру. Тот встал, собираясь откланяться.

– Господин Биром Бахбур, – вдруг остановил его профессор. – На вас лежит ответственность за судьбу человечества. Учтите это!

Бенэм Аргон сказал это так, что у миллиардера снова отвисла челюсть. Но тут же он подумал, что, если катастрофа произойдет, отвечать ему будет не перед кем.

Биром Бахбур молча кивнул и вышел. Профессор вздохнул. Пока он сделал все, что мог.

Первая ошибка

Эник еще спал, когда профессор вошел в комнату. Он спал, хотя было уже десять часов. Обычно он вставал рано, но здесь подействовала домашняя обстановка.

Профессор подошел к кровати. Его шаги разбудили мальчика. Он открыл глаза и сел в кровати, сразу вспомнив, что было вчера.

– Доброе утро, – улыбнулся профессор.

– Доброе утро, господин профессор...

Лицо Эника было озабоченным.

– Я, наверно, опоздал, – с тревогой сказал он.

– Куда?

– В порт. К приходу шхуны капитана Румба.

– Зачем?

– Там можно хорошо заработать.

– Хорошо заработать? Сколько же?

– Танимов пятнадцать. Этого хватит на пять дней.

– Не беспокойся, друг мой. Заработок не уйдет. Вставай. Будем завтракать.

“Неужели этот мальчуган, который вчера спас планету, найдя мои чертежи, сегодня пойдет разгружать корабль, чтобы заработать на хлеб?” – думал профессор.

Эник уже встал и подошел к книжному шкафу. Корешки книг золотились на солнце.

– “Черная стрела”, “Робинзон Крузо”, “Тайна голубых пещер”... – читал Эник.

– Как много у вас книг! – воскликнул он.

– Это книги Нэви, моей племянницы. Она гостит у знакомых, – ответил профессор.

Потом спросил: – Ты учился в школе?

– Да, я проучился четыре года.

– А еще учиться хотел бы?

– Это невозможно.

– Оставайся жить у меня, – неожиданно сказал Бенэм Аргон. – Ты будешь учиться.

Эник никак не ждал этого. За год уличной жизни он привык быть хозяином самому себе. Ему жаль было терять эту свободу. Но, с другой стороны, холод, голод, ночевки в ящиках давно надоели мальчику.

– В порту у меня много товарищей, – нерешительно проговорил он.

– Разве тебе мешает дружить с ними то, что ты будешь жить у меня?

– А почему вы хотите, чтобы я жил у вас?

Бенэм Аргон не мог точно ответить на этот вопрос. Ему нравился этот мальчуган с открытым взглядом больших темных глаз и густыми, давно нечесаными волосами. Кроме того, не мог же он снова отпустить на улицу того, кого считал спасителем человечества.

– Если тебе не понравится, ты всегда сможешь уйти, – вместо ответа сказал профессор.

И Эник остался.

Вечером, как только появились первые звезды, профессор Аргон снова был у телескопа. Но напрасно он искал среди знакомых созвездий Зеленую Искру. Уже совсем стемнело, стали видны в телескоп самые слабые звезды, а ее не было. Бенэм Аргон был поражен. По его подсчетам Зеленая звезда должна быть сегодня ярче прежнего! Неужели он ошибся? И вдруг он увидел не одну, а две зеленых звезды... на крыше Белой башни городской библиотеки. Профессор не верил глазам. Он подозвал Эника, который сидел у стола, читая “Тайну голубой пещеры”.

– Посмотри, друг мой, не видишь ли ты на крыше Белой башни две звезды?

Но Эник не был удивлен. Он спокойно пояснил:

– Это не звезды. Это простые светящиеся жучки. Они часто по ночам блестят на крышах. Потом Эник добавил:

– Интересно смотреть, как такой жучок ползет по нитке от бумажного змея, повисшей между крышами. Кажется, что на небе появилась новая планета...

Услышав эти слова, профессор разбил о стену колбу с каким-то раствором и бросился по лестнице в кабинет. Там он швырнул будильником в книжный шкаф и стал ходить из угла в угол.

Профессор Аргон понял, что совершил первую в жизни большую ошибку: он принял светящегося жучка за неизвестное небесное тело. Вероятно, этот жучок не мог почему-то улететь и в течение двух суток переправлялся по нитке от одной крыши до другой. А потом шторм сорвал нитку.

Когда в кабинет вошел удивленный и испуганный Эник, профессор чуть не плача рассказал ему о своей ошибке. Его ничуть не огорчало, что опасная планета оказалась зеленым жучком. Бенэм Аргон не беспокоился, что его ошибка станет всем известна и над ним будут смеяться. О Зеленой Искре знал лишь один Биром Бахбур, а ему все равно никто не поверит, если сам профессор не подтвердит.

Но профессор не мог себе простить, что отдал в руки миллиардера страшное оружие. Имея Розовый Луч, Железный Бахбур был не менее страшен, чем Зеленая звезда.

Профессор позвонил Бахбуру, желая предупредить его о бесполезности постройки аппарата и предложить расторгнуть сделку. Однако тот уже запросил крупнейшие обсерватории мира и убедился в ошибке профессора. Поэтому он не пожелал разговаривать с Бенэмом Аргоном. Секретарь ответил, что господин Бахбур находится в деловой поездке.

Профессору очень хотелось разбить трубку о голову секретаря, но тот был далеко, и он разбил ее о бронзовый письменный прибор. А к полуночи у него поднялась температура. Профессор простудился, когда искал под дождем пластинку. Он заболел.

Эник собирает друзей

Утром профессор выписал сам себе рецепт, и Эник сбегал в аптеку за лекарством. Потом профессор сказал, что ему лучше, и отправил Эника гулять. Тот помчался в порт. Он был подстрижен и одет в белый матросский костюмчик – обычную одежду “приличных мальчиков” Города Острых Крыш. Хорошо одетые прохожие уже не шарахались от него...

На одном из перекрестков стоял мальчуган, одетый в лохмотья, со скрипкой в руках. Маленький скрипач играл, и многие прохожие останавливались, чтобы послушать. Шляпы у него не было, и люди осторожно опускали мелкие монетки в карман его старой куртки. Чаще всего это были подвыпившие моряки.

Мальчик играл песенку о старом моряке, который, почувствовав приближение смерти, решил умереть в море и вышел в океан на парусном баркасе. Но в море его встретил шторм. Долго боролся старик с этим давним врагом моряков и остался победителем. В борьбе со штормом он помолодел и прожил еще много лет.

Вдруг на перекрестке показался велосипедист. Это был чрезвычайно толстый человек с красным лицом. Видимо, врачи посоветовали ему заняться велосипедным спортом для борьбы с ожирением. Кажется, толстяк плохо освоил технику езды на велосипеде. Руль не слушался его, и, несмотря на все старания свернуть в сторону, велосипедист наехал на мальчика-скрипача.

Увидев приближающегося полицейского, толстый господин немедленно обвинил мальчика в том, что тот пытался перебежать дорогу перед самым велосипедом. Так он хотел избежать штрафа. Полицейский схватил мальчика за ворот и собрался тащить в управление. Но тут подоспели еще двое велосипедистов: мальчик в черном матросском костюме и широкополой шляпе и необычайно худой и длинный человек в клетчатом кепи.

До этого они ехали за толстяком и с любопытством наблюдали за его попытками справиться с велосипедом. Сейчас мальчик-велосипедист с разгона остановился перед полицейским, едва не ударив его передним колесом.

– Вы видели, что мальчик не виноват! Отпустите его! – крикнул он. Полицейский шарахнулся от колеса, но скрипача не отпустил.

– Кто ты такой?! – заорал он на маленького велосипедиста.

Худой человек в клетчатом кепи необычайно жалобным и тонким голосом сказал:

– Вы с ума сошли! Это сын господина Бахбура!

Полицейский выпустил скрипача, щелкнул каблуками и, выгнувшись дугой, забормотал извинения.

В то время подошел Эник. Он не слышал, о чем говорил худой человек, но видел, что полицейский отпустил мальчика со скрипкой по требованию велосипедистов. В скрипаче он узнал своего товарища Сколя. Схватив его за руку, он нырнул в переулок – подальше от беды. На бегу он остановился и крикнул мальчику на велосипеде:

– Спасибо, друг!

Когда они пробежали квартал, Сколь остановился, оглядел Эника и спросил:

– Откуда?

– Потом, – отмахнулся тот, – бежим в порт.

По дороге Эник спрашивал:

– Румб пришел?

– Нет капитана.

– Давно пора бы...

– Пора. Но был шторм... а шхуна старая.

– Нет. Он, наверно, просто пережидал шторм.

– Может быть.

Ребята говорили спокойно, как бывалые моряки, но обоим было тревожно.

У портовых складов их встретили два брата – Азик и Рум. Оба голодные, но веселые. Увидев Эника в новой одежде, Азик свистнул и сказал:

– Эник получил наследство.

– Ничего подобного, его усыновил Железный Бахбур, – возразил Рум.

– Бросьте шутить, ребята, – возмутился Эник. – Бахбур не при чем. Я потом все расскажу.

– Вчера на заводах Бахбура была забастовка, – тихо сказал Азик. – Бахбур приказал стрелять в бастующих. Многих убили.

– Смотри! – указал Рум на высокую стену портового склада. Там была выведена известью громадная надпись:

БАХБУР – УБИЙЦА

– Гад! – сказал Эник.

– Где Нааль? – спросил он через минуту.

– Наверно, у Памятника, как всегда.

– Пойдем к нему, – просит Эник ребят.

– Да расскажи в конце концов, откуда ты свалился в таком виде, – не выдерживают все трое.

– Там и расскажу. Пошли.

Мальчишки идут по старым переулкам к пляжу. Вдруг Эник спохватывается:

– Есть хотите?

Он достает из кармана монету в один таним, которую ему сегодня подарил профессор.

Потом друзья продолжают путь, жуя на ходу жареную рыбу с хлебом, купленную у бродячего торговца.

Сын капитана Дейка

Около трехсот лет назад к Городу Острых Крыш подошел трехмачтовый корабль. Не входя в гавань, он приблизился со стороны Белых скал, рискуя разбиться о камни. Пренебрегая опасностью, он встал у самого берега, поднял черный флаг и стал обстреливать город. Все береговые укрепления были у гавани, потому что никто не думал, что вражеские корабли могут подойти к скалам.

Пользуясь безнаказанностью, пираты громили город и готовили десант.

Вдруг в той же стороне появился другой корабль. Он встал рядом с пиратами и, не поднимая флага, дал по ним залп всем бортом. Пиратский корабль сразу загорелся и стал тонуть. Большинство пиратов погибло, уцелевшие высадились под огнем неизвестного корабля на берег и с боем ушли в леса.

Город был спасен, а неизвестный корабль ушел в море...

Благодарные горожане поставили памятник Неизвестному Кораблю. Это был бронзовый корабль, стоявший над самым морем. Перед ним на серой скале, как на гребне каменной волны, сидела белая мраморная чайка с распушенными крыльями.

Во время шторма, когда волны достигали бушприта бронзового корабля, казалось, что чайка стремится взлететь на палубу...

Если встать лицом к морю, направо от памятника тянулся большой пляж, налево были скалы, а за ними зеленые заросли заброшенного парка.

На крутой скале у бронзового борта корабля была маленькая площадка – любимое место Нааля, десятилетнего мальчугана, сына капитана Дейка.

Два года назад теплоход, которым командовал капитан, стоял в гавани Города Железного Шума. Портовые рабочие отказались грузить оружие на теплоход. Когда их хотели заставить взяться за работу с помощью полиции, капитан Дейк увел теплоход из порта и привел его в Город Острых Крыш. Через день капитан был убит вместе с женой, когда ехал в автомобиле. Трое личностей в надвинутых на глаза шляпах, те, кто стрелял по машине, не были задержаны полицией... У капитана остался восьмилетний сын. В квартире Дейков поселились другие люди, но Наалю оставили его комнату. Моряки, товарищи капитана, не оставляли его, но прошло два года, и одни из них уехали, другие погибли в море. Жить стало совсем плохо. Дома мальчик чувствовал себя совсем одиноким и почти не бывал там. В порту он нашел четырех верных друзей: Эника, Сколя, Рума и Азика. Они вместе боролись за жизнь. Но иногда он хотел остаться один и уходил на площадку, к Памятнику Неизвестному Кораблю. Он смотрел в море и вспоминал погибших родителей. Он не плакал. Он всегда носил с собой кортик отца.

Над морем, над пляжем, над скалами знойный полдень.

Нааль на площадке. Он смотрит туда, где синее небо сливается с синим океаном, и поет песенку, которую сам придумал:

В небе высоком
Плывут облака,
Море в дорогу
Зовет моряка.
Море и небо,
Небо и море –
Чайка за судном
Летит на просторе.

На пляже полным полно народу. Даже у самого подножья памятника трудно пройти.

Молодой человек в полосатых трусах сидит перед граммофоном и вертит в руках пластинку. На одной стороне пластинки модное танго “У бабушки скончался Бобик”, на другой – не менее модный фокстрот “Трах-бах через голову”.

Молодой человек не может решить, что же проиграть сначала. Пение Нааля отвлекает его.

– Эй ты, заткнись! – кричит он.

Но Нааль поет:

Море и небо
Свободны для всех,
В море и небе
Радостен смех.
Море и небо,
Небо и море –
Нет в них печали,
Нету в них горя...

Какой-то субъект в темных очках и широкополой шляпе роется в карманах своего костюма. Он достает оттуда монету и, размахнувшись, швыряет ее на площадку. Та падает к ногам мальчика. Субъект, довольный своей ловкостью, оглядывается вокруг. Несколько человек аплодируют ему, а затем смотрят на Нааля. Ударом ноги он сбрасывает монету с площадки, и она, серебрясь на солнце, падает в море.

Поет Нааль:

Будь ты хоть самый
Богатый на суше,
Моря и неба
За деньги не купишь.
Море и небо,
Небо и море –
Волны с ветрами
И скалами спорят.

Люди смеются над субъектом в темных очках, и он покидает пляж.

План Наалья

Вдруг Нааль услышал, что его зовут. Внизу стояли друзья.

– Лезьте сюда! – крикнул он им.

Мальчишки забрались на площадку. Тут Эник и рассказал обо всем: о своей находке, о том, что он живет у профессора, об ошибке Бенэма Аргона.

– Профессор говорит, что заболел от простуды, но, по-моему, от того, что сильно расстроился. Он не может себе простить, что продал Бахбуру оружие, – говорил Эник.

– Теперь этот убийца будет уничтожать забастовщиков, начнет войну на весь свет и ничего с ним не сделаешь, – волновался Азик.

– Сдох бы он, – мечтательно сказал Рум.

– Толку будет мало. Он не один, – заметил Нааль.

– Надо предупредить всех рабочих, – предложил Эник. – И как можно скорее.

– По-моему, спешить некуда. Всем известно, что Железный Бахбур трус. Он побоится сразу показать инженерам чертежи – вдруг украдут! А еще эти самые пушки построить надо, – сказал Рум.

– Если так, надо вернуть пластинку с чертежами, – вдруг проговорил Нааль.

– Как?

– С ума сошел!

– Как вернуть?

– Невозможно...

Но Нааль упрямо мотнул головой:

– Надо пробраться в дом и достать ее.

– Как пробраться? – спросил Рум.

– Как-нибудь.

– Поймают – убьют, – тихо сказал Азик.

– А если не достать пластинку, сколько человек убьют Розовым Лучом, – скрипнул зубами Эник.

– Шхуна капитана Румба! – вдруг крикнул Азик.

В море шел парусный корабль.

– Бежим в порт, – скомандовал Нааль.

И снова друзья помчались по каменным плитам старых переулков.

Шхуна спустила паруса и, включив двигатель, подошла к молу.

У причала уже толпились десятка три мальчишек.

– Привет морской гвардии! – воскликнул коренастый человек с обветренным морщинистым лицом и седыми усами. Он помахал ребятам выцветшей морской фуражкой.

Это был старый капитан Румб.

Капитан находился уже в том возрасте, когда большинство моряков лишь вечерами в приморских кабачках вспоминают опасные рейсы, но кораблей уже не водят. Но Румбу повезло больше, чем другим. Ему удалось приобрести старую шхуну, и он продолжал плавать. Правда, он не выходил в дальние рейсы, не надеялся на прочность судна.

Капитан был любимцем всех портовых мальчишек. Для них он всегда находил работу. Когда он привозил легкие товары, мальчишки разгружали трюм; когда эта работа была им не под силу, они чистили, красили, мыли шхуну. Капитан не стремился к прибыли. Он плавал, потому, что любил море. Поэтому он не скупился, когда платил за работу. Ведь он сам был когда-то таким же беспризорным мальчишкой.

– Вот подождите, – говорил капитан Румб, – подрастёте немного, наберу я из вас команду, отремонтирую свою скорлупу, и махнем мы вокруг света...

Мальчишки знали, что кругосветное плавание – давняя мечта капитана.

И хотя команда капитана состояла из восьми человек, а ребят было гораздо больше, все они верили ему.

– Здравствуй, капитан! – кричали ему мальчишки. – Работа есть?

– Валите на палубу! Будем мыть, чистить, красить надстройки!

– Разгружаться не будем?!

– Немного! Пять бочонков! – ответил капитан.

– Не откажетесь помочь, орлы? – обратился он к нашим друзьям. – Бочонки небольшие.

Это вино для Железного Бахбура, чтоб он заржавел от него! Скоро за ними придет машина.

– Поможем, капитан! – сказал Нааль, и глаза его загорелись.

Через полчаса бочонки был на молу. Нааль отозвал друзей в сторону и сказал шепотом:

– Если забраться в бочонок, можно попасть в дом Бахбура.

– В погреб можно, – заметил Эник. – Но не там же пластинка спрятана.

– Лишь бы в дом попасть, а там видно будет.

– В бочонках вино...

– Можно подменить пустым. Их здесь много.

– А если поймают? – тихо спросил Азик.

– Ну и пусть. Можно сказать, что спал в бочонке, а его по ошибке погрузили.

– А если поймают не в бочонке, а в доме да еще с украденными чертежами?

– Если, если... А если море высохнет? – рассердился Сколь. Все понимали: случись это “если” – хорошего будет мало. Замолчали.

– Я пойду, – вдруг просто сказал Нааль.

– Куда? – не поняли его.

– В бочонок.

И тут оказалось, что готовы идти все. Каждый выдвигал свои преимущества перед другими, но все сходились на том, что Нааль не должен идти. Он самый маленький. Они понимают, что он не боится, но они старше и сильнее.

Но Нааль сказал снова:

– Я пойду.

– Мы не пустим тебя!

– Ведь все равно же пойду. Они убили...

И в синих-синих глазах Нааля, который плакал очень редко, блеснули слезы.

– Тебя могут убить, – сказал ему Эник.

Нет! Его не убьют. Он меньше всех, значит, незаметнее. Он понимает, что чертежи у Бахбура за семью замками, но с ним кортик отца. Он ломает им замки. Кортиком можно обороняться. И притом Нааль маленький, только он и может поместиться в бочонке. А если его не пустят, он найдет другой путь.

Ну, что можно было с ним сделать?

Ребята отыскали пустой бочонок и незаметно подменили им бочонок с вином. У Нааля сжалось сердце, но он быстро забрался и съезжился на дне. Мальчики по очереди пожали ему руку и закрыли крышку, слегка забив ее, чтобы не выпала раньше времени. Скоро пришел автомобиль, и ребята закатали в него бочонки. Тот, где сидел Нааль, они не катили, а втащили волоком и поставили. Машина тронулась и ребята бросились за ней.

К дому Железного Бахбура.

Железная армия Бахбура

Было темно и очень душно. Машину трясло. Нааль съежился в бочонке, стараясь не стукаться головой о крышку. К горлу подкатывал комок, в глазах плясали красные и зеленые пятна. Наконец автомобиль остановился. Бочонок с Наалем взяли последним и долго куда-то несли. Потом Нааль почувствовал, что его закружило, завертело, раздался сильный удар и стало тихо и неподвижно. Крышка от удара вылетела. Мальчик высунул голову и увидел, что находится в подвале среди бочек и ящиков с бутылками. Погреб. Никого...

Дверь была приоткрыта. Нааль вылез из бочонка и пробрался к ней. В голове у него гудело. Он на минуту притаился у двери, потом выглянул. Перед ним виднелся узкий коридор. Больше выходов не было, и Нааль решился.

Он осторожно прошел до конца коридора, свернул направо, поднялся по ступеням и оказался перед стеклянной дверью. Через стекло был виден громадный вестибюль: цветные плиты пола, зеркальные окна, бронзовые люстры.

Только сейчас мальчик понял, что его затея бесполезна. Куда пойдет он в этом громадном доме, как останется незаметным? Где он отыщет маленькую пластинку с чертежами профессора Аргона?

Страшно стало Наалю. Захотелось снова оказаться на солнечных улицах, вместе с друзьями.

А что скажут друзья? Ничего. Он все объяснит им, и они поймут. Если бы они были здесь сами, они бы увидели...

Что сказал бы отец? Он сказал бы: «Сумасшедшая идея».

Но ведь он, Нааль, со слезами уговаривал товарищей отпустить его...

В подвальном коридоре раздали шаги, они приближались. Мальчик вздрогнул. Он посмотрел через стеклянную дверь: в вестибюле никого не было. По бокам широкой, покрытой ковром лестницы стояли железные рыцари с белыми перьями на шлемах – пустые старинные латы. Нааль решился. Открыл дверь, добежал до лестницы и спрятался за рыцаря. Напротив он увидел стеклянные двери, ведущие на улицу, а у них восемь человек в темных костюмах.

– Господа, прошу подняться в мой кабинет, – говорил один из них, низкорослый, в дымчатых очках.

Господа направились к лестнице. С бьющимся сердцем мальчик бросился на второй этаж. Ковер заглушал шаги, и Нааля не заметили. Он оказался в широком коридоре, в конце которого была дверь. Нааль слышал голоса поднимавшихся по лестнице людей.

Он потянул дверь, она открылась. Мальчик попал в полутемную комнату с круглым столом посередине. Громадное окно было скрыто за плюшевой занавесью. Пусто! Нааль спрятался в оконной нише. Окно выходило в парк, за глухой каменной изгородью которого лежала тихая улица.

Вошли люди.

– Что за темнота, Биром, – раздался голос. – Я открою окно.

Под чьей-то рукой колыхнулась занавесь. Нааль замер от ужаса.

– Не надо, – послышался ответ. Над столом зажглась люстра. – Прошу садиться господа.

Нааль услышал шум придвигаемых кресел.

– Господа, – снова раздался голос Бахбура. – Я знаю, что все вы встревожены. В стране растут коммунистические настроения. На заводах забастовки. Вчера гвардейцы морской дивизии и легионеры отказались усмирять рабочих. Можно опасаться восстания, тем более, что в других городах положение такое же. Но... пусть это не беспокоит вас. На моих заводах создана железная армия. Она уничтожит мятежников. Смотрите!

Нааль был заинтересован. Он понял, что на окно больше не обращают внимания, и решился слегка раздвинуть занавесь.

На столе стояла железная кукла высотой в полметра. Она была похожа на рыцаря в латах. Семь человек с интересом разглядывали ее, а восьмой, Бахбур, стоял у пульта управления в другом конце комнаты. На пульте вспыхнули лампочки.

– Управление очень простое, – говорил миллиардер. – Эти солдаты управляются по радио. Здесь кнопки со всеми нужными командами: шагом марш, кругом, огонь и так далее, около двухсот пятидесяти кнопок. Здесь же маленький телевизор, а в голове солдат телепередатчики. Поэтому на экране можно видеть все, что происходит на поле боя. Можно управлять всеми солдатами сразу и каждым в отдельности. В левую руку железного человека вделан пулемет, правая оставлена для рукопашного боя. Все механизмы скрыты под крепчайшей броней, толщина которой десять сантиметров. Здесь вы видите модель, а настоящий рост железного солдата около трех метров. Свалить такую фигуру может лишь прямое попадание пушечного снаряда... Создание железной армии обошлось мне необычайно дорого. Но теперь мы можем быть спокойны и подавлять бунты, не выходя из дома.

– Но это не главное назначение железной армии, – продолжал Бахбур. – Скоро мы распустим нашу живую армию, которая может выступить против нас самих, и будем воевать при помощи механических солдат. Они не будут бояться смерти, а главное – не будут думать. Их батальоны пройдут сквозь огонь и окажутся непобедимыми... А вооружены они будут сверхмощным оружием, схема которого вот на этом металлическом чертеже... – В руках у Бахбура сверкнула прямоугольная металлическая пластинка.

Он подошел к столу, положил пластинку, с натугой поднял железную куклу и опустил ее на пол. Снова отошел к пульта.

– Смотрите...

Бахбур нажал кнопку, и кукла замаршировала в дальний угол комнаты. Все двинулись за ней.

Нааль быстро оглядел комнату. Потом взгляд его опять упал на пластинку с чертежами, лежавшую на краю стола. Стол находился в десяти шагах от Нааля. Люди были далеко и стояли спиной к оконной нише.

Еще сам не поняв, что делает, мальчик осторожно отодвинул занавесь и пошел к столу по мягкому, заглушающему шаги ковру. Он двигался с остановившимся дыханием и окаменевшим сердцем, видя перед собой только тускло поблескивающую пластинку. И вот она уже в его руках! Нааль прижал ее к груди. Глаза его неожиданно встретились с глазами одного из членов Совета Восьми. Тот изумленно смотрел на мальчика, не понимая, что происходит.

Сердце у Нааля словно взорвалось. Он бросился к окну и, прикрыв лицо пластинкой, ударился о зеркальное стекло. И вылетел в пустоту. Упругие ветви подхватили Нааля, подбросили и опустили на землю.

Он смутно помнит шум за спиной, кусты, цепляющиеся за матроску... Что-то теплое бежало по щеке, стекало по шее за воротник...

Одним махом он взлетел на высокий каменный забор. Ему показалось, что около уха кто-то коротко свистнул. Раздался легкий щелчок, и на ногу ему попала каменная пыль. Прыгнув с забора, он не удержался на ногах, но тут же вскочил...

Потом он помнит бегущих рядом друзей, качнувшуюся под ногами лодку, взревевший мотор, светлую комнату, бородатое лицо, склонившееся над ним. А рядом – другое, и синие глаза незнакомой девочки...

Послесловие, (которое, как и предисловие, написано через сорок лет)

Вот на этом я и оставил работу над сказкой “Страна Синей Чайки”.

Впрочем, не совсем оставил, не сразу. В следующем, пятьдесят восьмом году вместе с друзьями Виталием Бугровым и Леной Шубиным я попытался продолжить эту сказку – пусть будет коллективное произведение. Но энтузиазма хватило лишь на несколько страниц. Эти страницы, написанные Витей Бугровым, сохранились у меня. Но ничего нового в сюжет они не вносят, лишь добавляют подробности. А стиль их совсем другой – Витин, – и я не решился вставлять их в свой текст.

Так и пролежала тетрадка много лет. И читателей у этой повести оказалось всего два – Виталий и Леонид. И лишь совсем недавно появился третий. С полгода назад мой сын Алексей попросил разрешения покопаться в старых отцовских тетрадях и прочитал “Страну Синей Чайки”.

Я ожидал критики, лишенной всякого снисхождения. Алексей был в том возрасте, в котором я писал эту свою сказку, но в отличие от меня имел за душой уже две принятых к публикации повести и несколько рассказов. Однако сын сказал с ноткой благосклонности:

– Вроде бы ничего, только почему вы ее не дописали? Втроем-то!

– Видишь ли... Понимали уже, что замысел наивен и подражателен, стиль неуклюж...

Ну, а кроме того, веселая студенческая жизнь, нехватка времени, новые планы...

Алексей нелестно высказался о некоторых представителях студенчества середины двадцатого века, а потом спросил:

– Ну, а все-таки дальше-то что было?

*– Что **должно** было быть?*

– Какая разница...

*Да, что же должно было быть дальше? Или, если хотите, что **было**? Теперь самое время и место ответить на этот вопрос, если он вдруг возникнет у кого-то из любопытных читателей.*

Дальше сюжет должен бы развиваться в соответствии с лучшими традициями известной нам тогда сказочной и приключенческой литературы (от “Трех толстяков” до “Приключений Чиполлино”).

Естественно, трудовые массы – рабочие, моряки и докеры – поднялись на борьбу с тиранией (мы тогда неукоснительно верили в прогрессивную роль широких народных масс, сметающих всякий гнет). Мальчишки активно участвовали в борьбе. Поселившись у профессора Аргона, два десятка портовых пацанов создали нечто вроде юной морской гвардии. Профессор заботился о развитии интеллекта своих подопечных, капитан Румб – об их морском образовании.

Лишенный чертежей Розового Луча, Железный Бахбур не смог снабдить свою металлическую армию сверхоружием, пришлось довольствоваться пулеметами. Но и пулеметы в открытых столкновениях с рабочими дружинами – страшная сила. Когда дошло до решительного сражения, железные солдаты начали одерживать верх.

Здесь-то и сыграла свою героическую роль мальчишечья гвардия профессора Аргона. Несколько ребят решили проникнуть в особняк миллиардера, где был расположен пульт управления механическими батальонами.

На сей раз это оказалось гораздо труднее. Но мальчишкам помог наследник Бахбура, который (конечно же!) на самом деле был не родным его сыном, а похищенным у очень порядочных родителей. Этот мальчик был угнетен атмосферой, царившей в доме миллиардера, и не разделял воззрений и устремлений приемного папашки.

...Ребятня диверсионная группа ворвалась в кабинет Бахбура. Нааль, мечтающий отомстить за родителей (и, к тому же, вдохновляемый нежной привязанностью к синеглазой девочке Нэви, племяннице Бенэма Аргона) смаху всадил в панель управления отцовский кортик. Лезвие перерубило главные провода. К радости восставшего народа железные болваны на улицах прекратили стрельбу и начали с грохотом падать на мостовые...

В общем, «наши победили».

Бахбуру удалось бежать за границу, но лишенный капиталов и власти, он был теперь никому не страшен.

Страна Синей Чайки ступила на путь социального прогресса. Установки «Розовый Луч» бурили шахты и туннели, тем самым способствуя процветанию демократического государства.

Из гвардии профессора Аргона (включая, конечно, его племянницу и бывшего наследника Бахбура) сложился юный морской экипаж – как раз для громадной парусной яхты, конфискованной у беглого миллиардера. Яхта эта раньше называлась «Железная Дора» (в просторечии «Железная дура»), но теперь ее избавили от недостойного названия и нарекли славным именем «Синяя Чайка». Капитан Румб поклялся своими усами, что через пару лет, когда он сделает из храбрых мальчишек настоящих матросов, они отправятся на «Синей Чайке» в кругосветное плавание...

1957 г.

Камень с морского берега

1

Во время войны мы жили в небольшом сибирском городе. Мама тогда работала в госпитале, сестра училась в техникуме. Мой отец погиб еще в августе сорок первого года. Старший брат воевал.

Дом, где мы жили, был двухквартирный. В соседней квартире жила кассирша городского кинотеатра с двумя сыновьями: Володей и Павликом. Володя учился в восьмом, Павлик в четвертом классе. Начинался сорок пятый год. Февральские вьюги гнали по улицам городка снежные вихри. Вечерами слышно было, как трубит в дымоходе ветер и дребезжит в раме треснувшее стекло.

В такие вечера мы с Павликом часто оставались одни в доме. Моя мама и Анна Васильевна – мать Павлика – приходили с работы поздно. Лена и Володя тоже часто задерживались, они учились во вторую смену.

Мы крепко подружились в эти зимние вечера, хотя Павлику было уже одиннадцать лет, а мне шел седьмой год.

Оставшись вдвоем, мы запирали на крючок дверь и уходили в комнату к Павлику. Забравшись с ногами на кровать, мы болтали о самых различных вещах. Тогда я впервые узнал, что Земля – шар, что тополь, который растет у крыльца, вовсе не достает верхушкой до голубых вечерних звезд, что пропеллер самолета имеет не форму колеса, как кажется с земли, а скорее похож на два широких меча, разрубающих воздух.

Иногда рисовали. Павлик рисовал очень хорошо. На тетрадных листках он изображал целый театр военных действий, где наши самолеты, танки и линкоры уничтожали похожих на букашек фашистов.

Но больше всего я любил вечера, когда, примостившись на поленьях перед горячей печкой, Павлик читал какую-нибудь интересную книжку.

В их комнате, в большом старом шкафу было много книг. Особенно нам нравились небольшие книжки в старых коленкорových переплетах с облезшей позолотой орнамента по краям – “Библиотека приключений”. Сколько было заманчивых названий: “Всадник без головы”, “Морская тайна”, “Таинственный остров”, “Следопыт”...

Однажды вечером Павлик растопил печку (он был самостоятельный человек, и ему доверялось такое ответственное дело), и мы сели дочитывать “Остров сокровищ”.

Чудесная книга! Я слушал и смотрел, на горящие поленья. В желтых языках пламени, среди ярких углей совсем нетрудно было видеть раздутые паруса шхуны “Испаньола”, одноногую фигуру Джона Сильвера с попугаем на плече и освещенные закатом утесы Острова.

Но книга кончилась раньше, чем сгорели поленья.

– Жаль, что всё прочитали, – вздохнул я. Захлопнув книжку, Павлик закрыл дверь в волшебную страну. Теперь он тоже смотрел в огонь. В темных глазах его блестел маленький огонек, тот самый, который зажигает большую мечту.

– Вот бы посмотреть на море. Хоть один разок, – сказал Павлик.

Да! Хоть одним глазком! Взглянуть, как катятся на берег волны и, убегая назад, оставляют на гравии клочья пены. Почувствовать, как веселый ветер кидает в лицо соленые брызги и рвет за спиной воротник матроски. Побывать на море! Это была наша заветная мальчишечья мечта...

Мы совсем не хотели быть моряками. Павлик думал стать художником, а я летчиком. Но море тянуло нас к себе, как живая сказка.

– Хоть бы камешек с берега моря продержать в руке, – проговорил я.

– Да, хотя бы камешек, – рассеянно проговорил Павлик. И вдруг он встрепенулся:

– Послушай... А ведь у меня есть такой камень!

– Откуда?

– Еще давным-давно папа привез. Из Севастополя.

Отец Павлика умер еще до войны.

Камень с берега моря! Почему же Павлик раньше молчал?

– Врешь, – усомнился я. – Покажи.

– Сейчас.

Он открыл книжный шкаф. Там на самой нижней полке хранились старые радиолампы, коробки с винтами и гайками и прочая дребедень. Павлик достал жестянку из-под леденцов и открыл ее.

Камень лежал среди гвоздей и гаек, рядом с мотком алюминиевой проволоки и старинным пятаком. Он был белый, плоский, шириной сантиметра в три, гладкий – морские волны обточили его. Раньше мне приходилось самому находить в песке такие крупные белые гальки, но сейчас я не сомневался, что этот камешек найден у моря.

Я взял камешек в руки, провел пальцем по холодной поверхности, потом посмотрел сквозь него на пляшущее в печи пламя.

Он оказался полупрозрачным, словно голубоватое матовое стекло. В печке метался огонь, камень наполнился трепетным светом. Мне показалось, что внутри у него пошла голубая рябь.

– Павлик! Смотри, как море.

Мы склонились головами друг к другу.

– Как волны, – прошептал Павлик.

И мы долго смотрели, как плещется в камне маленький кусочек моря.

– Знаешь, Андрейка, – прошептал вдруг Павлик, – по-моему, этот камень волшебный.

Хотя я уже не верил сказкам, у меня по коже пробежали мурашки. Однако я возразил:

– Волшебных камней на свете не бывает.

– Может, и бывают. Откуда ты знаешь? Давай еще посмотрим.

И глядя на светящийся камень, Павлик продолжал фантазировать:

– Совсем как море. А вдруг появится корабль? Видишь темную точку? Она приблизится, и окажется, что это шхуна вроде “Испаньолы”

Кто знает, может быть, мы и увидели бы в тот вечер корабль, но с улицы постучали. Павлик пошел в сени отпирать дверь.

– Чья мама пришла? – спросил я, когда он возвратился.

– Твоя, – ответил Павлик и вздохнул. Конечно, ему хотелось, чтобы его мама скорее вернулась с работы.

Я побежал к себе. Мама развязывала запорошенную снегом шаль.

– Явился, – улыбнулась она и наклонилась ко мне. Я уткнулся носом в пушистый, мокрый от снега воротник.

– Простудишься, я холодная. Давай лучше печку топить. И будем пить чай.

– И Павлик!

– Конечно. Зови его.

В этот вечер я больше не вспоминал о камне.

2

На следующий день я снова был у Павлика. Он сидел над задачей, о каком-то бассейне, который наполнялся водой через одну трубу и опустошался через другую, а я листал старые журналы “Вокруг света”.

Уже стемнело, а задача не сходилась с ответом, и Павлик наконец потерял терпение. Он сунул тетрадь в портфель и, вздохнув, сказал:

– Опять придется списывать в классе.

Я предложил затопить печку, потому что в комнате было холодно.

– Подожди с печкой. Сейчас я тебе что-то покажу, – ответил Павлик.

Он достал из шкафа жестяную коробку из-под американского какао. У самого дна в жестянке было пробито маленькое отверстие, а в передней стенке прорезано большое. В крышке – тоже. В отверстие стенки был вставлен вчерашний камешек – прозрачный камень с берега моря. Павлик открыл коробку: внутри стояла елочная тонкая свечка. Он зажег ее, захлопнул крышку и выключил свет.

– Смотри!

В темноте засветился голубоватый глазок.

Свечка разгоралась постепенно, и камень светился все ярче, словно над морем занимался солнечный тихий день.

– Красиво? – спросил Павлик.

– Очень!

И вдруг на камне, как на голубом светящемся экранчике, выступили очертания парусного корабля.

– Смотри, Павлик!

– Вот здорово! Корабль...

Контуры были неясные, но можно было различить квадратики парусов и корпус. А остальное: веревочные лесенки, надстройки, поручни, спасательные круги живо дорисовала фантазия.

– Как это получилось?

– Не знаю, Андрейка. Наверно, все же этот камень волшебный.

Я шумно вздохнул от волнения. Воздух попал в отверстие коробки, и пламя свечки заколебалось. В камне снова, как вчера, заметался голубой свет. Туманная фигурка корабля качнулась, будто поплыла. К нам, навстречу.

– Шхуна, – сказал Павлик.

– “Испаньола”?

– Нет, “Победа”.

Пусть будет “Победа”. Это слово тогда повторялось так часто и было таким дорогим!

– Куда она плывет?

– В Африку.

– Нет, лучше в Индию.

– Ну, пусть в Индию.

– А откуда?

И мы стали придумывать. На туманном корабике появилась отважная команда и капитан – старый морской волк. Он вел шхуну в путешествие по всем морям, к берегам всех частей света. И мы видели перед собой уже не голубой глазок светящегося камня, а неизмеримый океан, в котором плыла белопарусная “Победа”...

Когда вернулся из школы Володя, он был очень удивлен, что дверь не заперта, печка не топлена, а мы сидим в темноте и о чем-то шепчемся.

Павлик успел задуть свечку и объяснил брату, что мы рассказывали страшные сказки, а в темноте интереснее.

Подивившись нашей смелости, Володя заметил однако, что мы могли хотя бы запереться и затопить печь.

Когда он отошел, Павлик шепнул:

– Никому не говори про камень Это будет наша тайна.

– Никому не скажу.

3

С тех пор мы каждый вечер, когда оставались одни, зажигали в жестянке свечку и сидели перед светящимся камнем. Начинаясь сказка.

Фигурка корабля появлялась обязательно, но всегда по-разному. Иногда она занимала почти весь камень, иногда казалась неясным далеким пятнышком, и тогда видны были еще и кудрявые облака и береговые утесы неизвестных островов.

Сначала я ломал голову, стараясь разгадать, как появляется таинственный кораблик, но постепенно перестал об этом думать и почти поверил, что камень волшебный.

Игра захватила меня. Наша фантазия не иссякала. Мы использовали все знания, которые почерпнули из книг Жюль Верна, Купера, Стивенсона, и сами придумывали там, где этих знаний не хватало.

Павлику нравилось описывать дальние страны, острова, поросшие пальмами, дикие скалы и белых чаек над предгрозовым морем. Когда свечка начинала коптить и камень тускнел, Павлик говорил приглушенно:

– Над океаном сгустились низкие облака. Пока все тихо, но через минуту налетит шквал и море смешается с небом в диком вихре шторма...

И становилось тревожно...

А я фантазировал иначе и очень смело. Шхуна “Победа” у меня застревала в дрейфующих льдах, чтобы через час оказаться у берегов Индонезии; отбив нападение туземных пирогов, она топила немецкие подводные лодки.

Мы обычно сидели, глядя на голубой экранчик, до тех пор, пока не приходил кто-нибудь из взрослых или не догорала свечка.

Шли дни. Наш корабль побывал во многих морях, у многих берегов. Сказка разрасталась. Он помогала коротать нам долгие вечера, которые без нее могли стать очень тоскливыми.

Но не обошлось и без неприятностей. Все чаще Павлик совал в портфель тетрадь с нерешенной задачей. И со вздохом говорил, что опять придется списывать.

Однажды Павлик пришел из школы позже обычного, расстроенный и растерянный. На мой вопрос, что с ним, последовал мрачный ответ:

– Продраили на совете отряда.

– За арифметику?

– Ага.

За арифметику Павлика драили не первый раз, но раньше он не бывал так расстроен.

– Поговорят и забудут, – попытался я утешить товарища его собственными словами.

– Нет. Теперь уж не забудут.

Оказалось, что с сегодняшнего дня к Павлику будет приходиться его одноклассница Галка и “подтягивать” его по арифметике. Подумать только! Придется Павлику терпеть, как им девочка командует. Есть от чего впасть в уныние.

– А здорово вредная эта Галка? – спросил я.

– Кто ее знает, – вздохнул Павлик. – Я на нее раньше даже внимания не обращал... Ты на всякий случай не называй ее галкой. Говори «Галя»...

Галя пришла в пять часов. Она вежливо сказала мне “здравствуй”, сняла беличью ушанку, пальтишко и оглянулась, не зная, куда их повесить.

– Брось на кровать, – буркнул Павлик. Он даже не пытался скрыть огорчение, которое Галя доставила ему своим приходом. Но она не смутилась, ведь в конце концов она не в гости пришла, а выполнять пионерское поручение.

Положив пальто и шапку рядом со мной на кровать, Галя с интересом оглядела комнату: книги, модель парусника, построенную Володей, картины “Бриг “Меркурий” и “Девятый вал”, выданные из “Огонька” и приколотые к стене. Потом она спросила Павлика:

– Ты уроки готовил?

– Все приготовил, кроме этой несчастной арифметики.

Конечно, для Павлика сделать упражнение по русскому – пара пустяков, а “Зимнюю дорогу” Пушкина он давно уже знал наизусть. Как и я, кстати...

– Давай тогда заниматься несчастной арифметикой, – предложила Галя.

Я, сидя на кровати, перечитывал «Тома Сойера».

Сядь к столу, Павлик сказал:

– Тебе, наверно, темно здесь читать, Андрейка. В вашей комнате лампа светлее.

Он считал, что мое пребывание здесь сейчас излишне, но мне не хотелось сидеть у себя одному. Поэтому я буркнул, что здесь очень даже светло, и уткнул нос в книгу, чтобы не встречаться глазами с Павликом.

Галя и Павлик взялись за решение задачи. Это продолжалось очень долго. Через час Павлик пыхтел, как речной буксир, а Галка поминутно вскрикивала:

– Ну как ты не понимаешь?!

Меня же мучила иная задача: когда мы займемся нашим морским камнем?

Как только с арифметикой было покончено, я отбросил книжку и громогласно спросил:

– Павлик, когда мы будем смотреть камень?

Я тут же прикусил язык. Взгляд Павлика пригвоздил меня к кровати, и мне захотелось провалиться в самый центр земного шара. Ведь я выболтал нашу тайну при девчонке! А Галка, конечно, сразу вмешалась не в свое дело:

– Какой камень, Павлик?

– Да так. Никакой.

– Жалко тебе, что ли, сказать? Ну и не надо...

– Нельзя. Это тайна, – вмешался я, пытаюсь выправить положение.

Вот этого как раз и не следовало говорить. Как потом выяснилось, Галя больше всего на свете любила тайны. Услышав мое заявление, она просто взмолилась:

– Ну, Павличек, расскажи, пожалуйста! Я же никому не скажу!

– Ты все равно не поймешь ничего. Это игра такая.

Павлик боялся, что Галя не сможет увлечься нашей игрой, не увидит в глубине камешка моря и корабля, не поймет нашей сказки и, может быть, даже станет смеяться. Но она так просила, что Павлик не выдержал:

– Ладно. Дай честное слово, что сохранишь тайну.

– Самое-самое честное пионерское!

Снова засветился голубой глазок с туманным силуэтом шхуны. Напрасно боялся Павлик. Галя сразу разглядела в неясном пятнышке очертания корабля и сказала, что камень прозрачен, как морская вода в солнечный день.

– А ты видела море? – спросил я.

– Видела. Только давно. Мы жили в Ленинграде, а когда началась война, эвакуировались. Перед самой блокадой. Завод, где папа работал, сюда перевели.

– Расскажи, какое море.

– Ну как расскажешь... Оно разное. Но всегда очень красивое... И Ленинград красивый... Только фашисты там много разрушили, – добавила Галя тихо.

– Ничего. Все равно его восстановят. Ты расскажи про неразрушенный Ленинград. И про море, и про корабли...

Горел голубым светом камень с морского берега. Мы слушали Галю. Шхуна “Победа” шла в Ленинград.

Но она не успела. Свечка в жестянке сгорела, камень погас.

Павлик щелкнул выключателем. Света не было. В то время энергии не хватало и станция часто отключала районы с жилыми домами. Павлик зажег коптилку. Галя взглянула на часы-ходики и испугалась:

– Ой, уже девять часов. Меня дома потеряли. Я еще ни разу так поздно не приходила домой.

– Правда ведь, поздно уже, – забеспокоился Павлик. – Одевайся скорее. Где твои варежки?

Галя посмотрела на темные стекла и призналась, что боится идти одна.

– Что же делать? Андрейка, может быть, ты проводишь Галку? – спросил Павлик. Он не решался идти сам и оставить меня одного в доме, с коптилкой, где вместо керосина (которого тогда не хватало) был налит бензин. А идти вместе нельзя: взрослые вернуться, а дом заперт!

Мне идти, конечно, не хотелось. Страшновато будет возвращаться одному по темной улице. Но если я откажусь, Павлик пойдет сам, и мне придется сидеть в полутемной комнате наедине с огнеопасной коптилкой. К тому же, я сам был виноват, что Галя засиделась у нас: не сболтни я про камень, ничего бы не случилось.

– Валенки у меня нет, – сказал я.

– Мои надень, – оживился Павлик, почувствовав, что я готов согласиться. – Да и недалеко совсем идти, три квартала по нашей улице...

– Если ты боишься идти обратно, я отпущу с тобой Ричарда, нашу собаку. Он такой громадный, что с ним ничего не страшно.

Я в те годы еще не испытывал большого доверия к собакам, но Галя сказала, что Ричард очень умный и добрый пес.

Мы вышли на улицу. Было морозно. В окнах желтели огоньки керосиновых ламп и коптилок. Крупные звезды казались ярче этих огней. Я редко бывал на воздухе и теперь с удовольствием топал большими подшитыми валенками по скрипящему снегу. Дошли мы незаметно. Галя предложила мне зайти в дом, но я сказал, что хочу скорее идти домой.

– Подожди, – попросила Галя и через минуту вернулась, ведя на коротком ремешке громадного пса. Голова собаки достигала мне груди.

– Познакомься, Рик, – сказала Галя. – Это Андрейка. Слушайся его.

Рик обнюхал пуговицы на моем пальтишке и махнул хвостом. Я осторожно погладил Рика по спине и взял поводок. Мое недоверие к псу рассеялось.

– Если кто-нибудь полезет к тебе, скажи Рик: “Взять!”, и все будет в порядке. А когда придешь домой, напиши записку, положи под ошейник и выпусти его. Он прибежит, – напутствовала меня Галя.

Я отправился обратно. Ричард шел спокойно, не натягивая поводок. С таким спутником я чувствовал себя в безопасности.

Придя домой, я написал на обрывке газеты зеленым карандашом: “Всё в парятке”, а Павлик, хмыкнув, исправил ошибки и приписал: “Галя, приходи завтра”. Я сунул записку под ошейник, и мы (Павлик в калошах на босу ногу) вывели Рика за калитку. Крупными скачками он помчался к своему дому.

Галя стала приходиться каждый день. Сначала она занималась с Павликом, потом мы начинали нашу игру.

Чтобы не бояться идти вечером домой, Галя приводила с собой Ричарда. Все время, пока мы были заняты, Рик лежал под столом или сидел, положив голову мне на колени. Короче говоря, вел он себя вполне прилично, и напрасно тощий кот с неоригинальным именем Васька каждый раз взлетал на шкаф и угрожающе шипел.

Павлик теперь ничуть не жалел, что мы посвятили Галю в нашу тайну. Она умела фантазировать не хуже нас. А как она рассказывала про Ленинград! Этот город стал родным портом нашего корабля. Отовсюду: от берегов Австралии, из портов Южной Америки, из полярных льдов возвращалась в Ленинград шхуна “Победа”.

4

А между тем приближался март. Все жили ожиданием весны и скорой победы. По вечерам мы слушали по радио салюты.

Однажды вечером мама сказала мне:

– Ну вот, сынок, кончается зима. Завтра первое марта.

А за окном гудела вьюга. Я спросил, слушая, как дребезжит от ветра оконное стекло:

– Завтра начнет таять снег?

– Нет, не завтра, конечно, но скоро.

Но весна началась именно “завтра”. Солнце слизнуло с окон морозные узоры, могучим теплым потоком хлынуло на снег, он начал таять, темнея и безнадежно оседая. С юго-запада на смену режущим февральским ветрам примчался теплый плотный ветер. Я весь день провел у окна. Встав коленями на стул и навалившись грудью на спинку, я смотрел, как буравит снег под окном капель, как веселятся на заборах воробьи. К вечеру у меня в глазах плясали зеленые пятна от солнечного света.

Вечером пришла Галя. Она была в резиновых сапожках и вязаной шапочке вместо беличьей ушанки. Ричарда в комнату не пустили, чтобы не оставил мокрых следов.

Игра у нас в тот вечер не ладилась. Мы почему-то все время заговаривали о посторонних вещах. Свечка догорела, но ни Галя, ни Павлик не пожалели об этом. Они говорили о своих школьных делах. Мне стало скучно. Скоро пришла мама, и я пошел к себе.

Уже лежа в постели, я позвал маму и сказал:

– Видишь, я угадал. Сегодня началась весна.

– Правда, – улынулась мама, – началась весна. Теперь и валенки не нужны. Скоро сможешь гулять сколько угодно.

– Скоро фашистов разобьют и Саша приедет домой, – мечтательно протянул я.

– Обязательно, – сказала мама. Но в глазах ее я заметил застоявшуюся тревогу и понял: “А вдруг перед самым концом... как отца...” – думала мама. Во мне тоже на миг шевельнулась эта тревожная мысль, но потом я стал думать о другом, вспоминая сегодняшний вечер. Какое-то чувство досады, непонятной обиды не давало мне покоя, и я не мог еще в нем разобраться.

Весна кипела на улицах. Снег почти сошел, только у заборов на местах сугробов сочлились мутной водой его серые ноздреватые пласты. Вода вышла из канав, залила дороги. Мы с Павликом вырезали из большого куска сосновой коры корабль, вбили три мачты, натянули матерчатые паруса. Павлик выжег на носу кораблика слово “Победа”. Маленькое суденышко плавало по канавам и лужам нашего квартала, вызывая восхищение и зависть у обладателей одномачтовых корабликов с газетными парусами.

Однажды я пустил наш парусник в канаву, и ветерок погнал его вдоль улицы. Следя за корабликом, я незаметно оказался у дома, где жил мой лютый недруг – шпиц Марсик. Не знаю, почему он ненавидел меня, но при каждом удобном случае этот пес старался попробовать на вкус мои ноги. Сейчас, воспользовавшись тем, что я один, он стремительно атаковал меня. Я

взлетел на перила высокого парадного крыльца, а Марсик бесился внизу. Прохожих не было, кораблик уплывал, а я готов был зареветь от страха и обиды.

И вдруг неподалеку показался Рик. Сердце мое наполнилось мрачным ликованием.

– Ричард! Рик! – крикнул я. Рик повернулся и стал скачками приближаться.

Зарвавшийся шпиц был слишком увлечен, чтобы заметить опасность. Указывая на него, я сказал Рику:

– Взять!

Рик был в то время уже достаточно дружен со мной, чтобы не отказать в подобной услуге. Он “взял”, то есть сомкнул на загривке у Марсика свои челюсти и в течение примерно полутора минут мотал его. Шпиц верещал не столько от боли, сколько от ужаса.

Больше Марсик никогда не трогал меня, а с Ричардом мы стали настоящими друзьями.

5

Павлик уже давно подтянулся по арифметике, но Галя все равно очень часто бывала у нас. Только я теперь этому не особенно радовался. Почему-то мне нравилось быть с Павликом вдвоем, как раньше, как в тот вечер, когда мы кончили читать “Остров сокровищ”. Игра уже не увлекала нас как прежде, хотя мы не признавались в этом даже самим себе. Часто Галя и Павлик заговаривали совсем о другом, когда перед ними светился голубой камень. Они не обращали на меня внимания, и мне становилось скучно. Но я никогда не мешал им, тихо сидел рядом.

Однажды Павлик приболел и не ходил в школу. Галя пришла после уроков и рассказывала, как прошел в классе день. Я листал “Зверобоя” Купера.

– Павлик, что такое томагавк? – спросил я, увидев в книге незнакомое слово.

– Подожди, Андрейка, не мешай, – отмахнулся он. – Говори, Галя, что было на физкультуре?

Мне стало обидно до слез: все с ней и с ней, а я, значит, не нужен.

– На уроке физкультуры, – говорила Галя, – мы играли в “третий-лишний”.

Эти слова обожгли меня. “Это я у них третий-лишний”, – пришла в голову мысль. Я соскочил со стула и пошел к двери, стараясь проглотить в ставший в горле комок.

– Андрейка, ты куда? – окликнул меня Павлик.

Я ускорил шаги. Павлик догнал меня в коридоре, и я наконец заплакал, прислонясь головой к косяку. Подошла Галя, стала расспрашивать, что случилось.

– Ничего, – всхлипнул я, дергая плечом, чтобы сбросить ее руку.

– Галка, иди в комнату, – вдруг сказал Павлик. Она пожала плечами и ушла.

– Да что с тобой, Андрейка? – допытывался Павлик.

– Вам... на меня... наплевать... Ну и не надо! Осенью пойду в школу. и у меня будет много товарищей!

– Андрейка, зачем ты глупости говоришь... Мы же все время вместе...

– Больше не будем вместе, – мрачно изрек я. Во мне начала пробуждаться гордость. – Я лишний.

– Мы с тобой настоящие друзья, Андрейка, ты же сам знаешь.

– Неправда!

– Правда! Просто Галка тоже мой товарищ, и я хотел, чтобы мы дружил втроем.

– Я тоже хотел, а вы не стали.

– Как это не стали?

– Да так.

“Врет еще”, – подумал я.

– Хочешь, докажу. что я твой друг? – вдруг спросил Павлик.

- Докажи...
- Когда у тебя будет день рождения, я подарю тебе камень.
- Правда?!
- Обязательно.

Для меня это было лучшим доказательством дружбы.

- Ладно, – сказал я.
- Ты больше не злишься? – смущенно спрашивал Павлик.
- Нет...
- Ну, пойдем, – он тянул меня в комнату.
- Я лучше завтра приду.

Мне было стыдно перед Галей за свои слезы, и я ушел к себе в комнату.

На следующий день мы не вспоминали о ссоре.

Стояло солнечное майское утро. На нашем тополе появились клейкие листики, и он стоял, словно окутанный зеленым туманом.

Мама, Лена, Павлик, Володя и я сидели на крыльце. Недавно приходил почтальон, принес от Саши письмо. Мама была радостная, как всегда в таких случаях. Она шутила со мной и с Павликом.

Примчалась Галка со своим вечным спутником – Ричардом, тряхнула косами, щелкнула Павлика по загривку. Ей тоже было весело.

– Поздоровайся, Рик, – велела она. Пес сел и поднял лапу.

– Какая громадная собака. И умная, – сказала мама. – Вот бы нам такую. Никого бы не пустила в квартиру. А то ни одного мужчины в доме...

Володя фыркнул и удалился с крыльца походкой смертельно оскорбленного человека. Лена захохотала.

Во дворе появилась Анна Васильевна. Я никогда раньше не видел ее такой. Она запыхалась, будто долго бежала, на раскрасневшемся лице была радостная улыбка человека, на которого свалилось неожиданное счастье.

– Война кончилась, – сказала она.

То, чего ждали со дня на день, все же пришло неожиданно.

Кончилась война. Значит, теперь обязательно вернется Саша. Значит, больше не будет страшного слова “похоронка”. Значит, начнется с этого дня волшебная жизнь, которую я почти не помнил, которую называли словом МИР. Почему же плачет мама? И Анна Васильевна, которая только что смеялась...

– Это от радости, – шепчет Павлик.

А мне совсем не хочется плакать. Мне хочется смеяться, петь, веселиться. От избытка чувств я хватаю за уши Рика, валю его на землю, и мы катаемся по траве.

– Дай бог, чтобы дети больше ни разу не видели войны, – говорит мама.

А в синем, синем, как море, небе распускает клейкие листья тополь.

6

У Павлика и Галки наступили первые в жизни экзамены. Они готовились вместе, и я не мешал им. Теперь уже было не до обид, если на меня не обращали внимания или даже просили уйти из комнаты.

Но вот кончилась пора экзаменов. Вечером мы снова собрались вместе.

– Давайте, посмотрим камень, – предложил я.

Павлик зажег в жестянке огарок солнечной свечки. Было светло, и камень горел слабо. Огарок начал коптить.

– Собирается буря... – начал Павлик.

– В Индийском океане, – сказал я.

– Угу... Над морем предгрозовая тишина...

Камень темнел. Фигурка корабля едва виднелась.

– Налетел шквал. Небо затянулось мраком. Корабль борется с волнами. Выдержит ли он бурю? Доплывет ли до светлых солнечных берегов?

Камень погас. Павлик снял крышку. Из жестянки поднялся тонкий дымок.

– Свечка погасла.

Павлик полез в коробку с елочными игрушками.

– Кончились свечки, – сказал он через минуту. – Надо будет потом еще поискать, может быть, в шкафу остались.

Но больше мы не видели, как горит голубым огнем камень с берега моря.

На следующий день у Павлика возникли какие-то разногласия с матерью, и та в наказание заперла его в комнате, а сама ушла на работу. Некоторое время Павлик бурно выражал свое негодование, но потом успокоился: очевидно, сел за книгу.

Я вышел во двор и увидел Галю.

– Павлик дома? – спросила она.

Я объяснил, что Павлик заперт.

– Ой, как же быть? – огорчилась она. – Я ведь сегодня вечером уезжаю, Андрейка. В Ленинград.

– В Ленинград?! Что же ты молчала!

– Я не знала. Папа хотел сюрприз сделать... Мне так хотелось попрощаться с Павликом, – продолжала Галя. – Что же делать, Андрейка?

Я думал. Окна квартиры Павлика выходили в соседний двор. Одно из наших окон было тоже с той стороны. Но мама до сих пор не выставляла там раму. Я решился.

– Влетит тебе, – с сомнением сказала Галя, когда я начал отдирать от рамы бумажные полоски.

– Ну и пусть. Помоги.

Мы кое-как вытащили раму и вылезли в окно.

Павлик сидел на подоконнике. На коленях у него лежала книга.

– Павлик!

Он обрадовался, открыл окно.

– Лезьте.

Мы влезли.

– Галя уезжает, – сказал я.

В соседнем саду под окнами цвела черемуха. Собирались облака. Небо потемнело, кусты замахали белыми ветками.

– Павлик, смотри, что я тебе принесла. Тебе и Андрейке...

Галя достала из кармашка маленький ученический компас с самодельной цепочкой из медной проволоки. На конце цепочки висел бронзовый якорек.

– Это папа сделал.

Из-за крыши появились лохматые серые тучи. Ветер рванул и стих. Ветки покачались, застыли в плотной тревожной тишине.

– А что подарить на память тебе? – сказал Павлик.

– Ну что ты! Ничего... Или... если не жалко, отдай мне камень...

Скоро у меня будет день рождения...

Павлик растерянно смотрел то на меня, то на Галя.

– Понимаешь, Галя, я обещал его Андрейке, – начал он нерешительно.

– А, ну не нужно тогда...

И она весело заговорила о другом.

А Павлик сосредоточенно думал.

– Галя, Андрейка! А если разбить камень пополам?!

Я понимал, что дело не в камне. Сказка кончилась, а дружба осталась. И Галя это понимала. И Павлик.

И мы были рады, что нашли выход.

Павлик положил камень на порог и взял молоток.

Круглый белый камешек с берега моря раскололся аккуратно на две половинки. Но когда Павлик поднял их, мы увидели еще один небольшой осколок.

– Вот хорошо! – обрадовался Павлик. – Я его возьму себе.

И вдруг я почувствовал прилив великодушия.

– Нет, Павлик, лучше мне... Лучше я возьму маленький кусок.

– Андрейка, почему?

– Ну, раз я самый маленький, то пусть...

И я зажал осколок в кулаке.

Мы выбрались в сад, затем через забор на наш двор. Стояла предгрозовая тишина. Листья тополя не шевелились. Но в воздухе уже не было духоты и гнетущей тревоги.

Мы стояли на крыльце. На синем заслоне грозových туч белела далекая башня городской библиотеки. Вокруг нее кружили голуби, тоже белые-белые.

– Как чайки над маяком, – сказала Галя.

– Да. Перед штормом...

На крыльцо упала крупная капля.

– Я побегу, скоро начнется ливень, – заторопилась Галя, – до свиданья, ребята!

И она побежала.

Галя, до свиданья!

Вечером к нам неожиданно прибежал Рик. Под ошейником я нашел записку. Она была написана печатными буквами – специально для меня.

“Андрейка, папа ничего не мог сделать, чтобы взять Рика с собой. Его так жалко. Твоя мама говорила, что хорошо, если бы у вас была такая собака. Возьмите его себе. Ведь ему некуда деться, а тебя он любит. Галя.”

Рик терпеливо ждал, прока я его гладил, потом пошел к двери.

Но я закрыл дверь.

– Не ходи, Ричард. Там теперь пустой дом.

Но Ричард потом еще часто бегал к старому дому.

7

“Здравствуйте, Павлик и Андрейка! Как вы живете? Я учусь в пятом классе. У нас большая радость. Нашелся мой младший братишка Витя, который потерялся во время эвакуации. Он жил в детском доме. Сейчас ему восемь лет и он учится во втором классе. А как Андрейка учится? Я думаю, что хорошо, ведь он умел читать раньше, чем пошел в школу. Как живет наш Рик?”

Половину нашего камня я берегу. Я ведь знаю, что он не волшебный и что Павлик рисовал кораблик на его обратной стороне простым карандашом перед тем, как начать игру. Но все равно.

Жаль, что мы не узнали, что стало со шхуной “Победа”, уцелела ли она в буре, в какой порт пришла. Но папа говорит, что мы когда-нибудь встретимся, склеим камень и досмотрим нашу сказку.

Может быть, правда?..”

*Хакасия, полевой стан Карасук –
г. Свердловск.
Сентябрь – декабрь 1957 г.*

Похищение агента

Я приехал из пионерского лагеря на два дня раньше, чтобы застать дома родителей, уезжавших на юг. Последние часы перед отходом поезда прошли в спешке и беспорядке. Наконец, выслушав массу наставлений, мы с братом проводили их на вокзал. Домой вернулись в двенадцатом часу ночи, и я сразу же лёг в постель.

Прошло около четверти часа. Я задремал, но вдруг вздрогнул и открыл глаза. Сразу было трудно понять, что случилось. Стояла тишина, лишь за стеной тихо похрапывал старший брат. Комнату наполняла густая темнота. За окном сверкала редкими звёздами августовская ночь.

Стараясь понять, что меня разбудило, я сунул руку под подушку за карманным фонариком и, повернувшись, случайно взглянул на потолок. То, что я увидел, заставило меня вскопичить. Шёлковый абажур мягко светился в темноте. Он то угасал, то снова вспыхивал, словно изнутри наливался зловещим красным светом. Впрочем, странное поведение абажура не было для меня загадкой. Я знал, что на него падает из-за окна тонкий луч фонарика. Но направить этот луч мог только мой друг Лёшка. Мы договорились ещё раньше, что он будет сигнализировать таким образом, если произойдет что-нибудь важное.

За окном раздался короткий свист, потом в стекло стукнул камешек. Это означало, что Лёшка меня ждёт. Я стремительно оделся и выскочил во двор. Мигая фонариком, ко мне подошёл Лёшка и тихо шепнул:

– Пошли на дрова...

Мы двинулись в дальний угол двора, где за сараем сохла поленица. Это было самое удобное место для тайного разговора.

– Я тебя весь день ждал, – начал Лёшка, когда мы примостились на поленьях. – А ты приехал и даже не зашёл... Ну, ладно, – заспешил он, видя, что я собираюсь оправдываться. – Слушай. Я коротко.

Он глотнул воздух и заговорил быстрым шёпотом:

– Сегодня утром иду по улице, вижу, будка телефона-автомата. Дай, думаю, позвоню Витьке Ерёмину, чтобы скорей «Похитителей бриллиантов» читал. Целый месяц держит... Подхожу и вижу: в будке тип в белой шляпе и чёрных очках говорит по телефону и как-то подозрительно оглядывается. «Да, говорит, там и встретимся, в одиннадцать часов. Там, говорит, народ редко бывает. Будем одни, никто не помешает, говорит, а разговор очень важный.» И снова оглядывается, а глаза из-под очков блестят, как у жулика. Потом прижал трубку плечом к уху и достал из кармана... Знаешь, что?

– Атомную бомбу?

– Браунинг! Переложил его в другой карман, потом вынул блокнот и стал что-то записывать. А под конец сказал: «Значит, в одиннадцать в Парке речников, у старой беседки...» Потом он вышел, а я за ним. Узнал, где он живёт.

– Зачем?

– Вот балда! Ведь это же наверняка шпион. Вражеский агент!

Несмотря на Лешкину горячность, меня охватили сомнения.

– Может быть, тебе показалось, что у него пистолет был? На самом деле это портсигар какой-нибудь или...

Мой друг тяжело засопел. Он был смертельно оскорблён. Неужели он не в состоянии отличить портсигар от браунинга?!..

– Ладно... А ты кому-нибудь говорил про это дело?

– Нет, конечно. Мы его сами накроем. Завтра вечером он пойдёт в парк, чтобы встретиться с сообщником. Надо собрать ребят, поймать его и доставить куда следует.

– А сообщник?

– Не уйдёт. Попадётся один – найдут всех, – убежденно произнёс Лёшка.

– Нужно побольше людей, – сказал я и этим дал согласие.

– Завтра утром ребятам скажем. Пока только Владька знает.

– Кто?

– Владик. Понимаешь, мальчишка один. Переехал в наш дом недавно. Маловат, правда, а так ничего... Да я позову сейчас...

Он мигнул фонарем в одно из окон, и буквально через несколько секунд Владик оказался перед нами. При свете фонарика я увидел тонкого как удочка мальчишку лет десяти, с темным вихром, в клетчатой курточке, наброшенной поверх майки и трусиков.

– Это ты и есть Олег? Мне Лешка говорил, – без всяких предисловий сообщил он и одним махом вспрыгнул на поленицу.

Мы стали обсуждать план нашей операции.

– Всё-таки у него пистолет, – вспомнил я.

– А мы попросим Генку Ершова взять двухстволку. Позовем Глеба и Толика. Всё пойдёт как по маслу, – убеждал Лешка.

– Может быть, лучше сразу заявить, – сделал я последнюю попытку отступления.

– Боишься? – спросил Лешка.

Не мог же я сказать, что и в самом деле боюсь!

– Самим поймать шпиона во сто раз интереснее, – высказал своё мнение Владик.

«Тоже нашёлся контрразведчик, – подумал я. – Ростом мне до плеча, голос как у девочки, а рассуждает, будто речь идёт о поимке щегла. И зачем только Лешка впутал его в это дело?..»

Мне представился завтрашний вечер, схватка в тёмном парке, быть может – выстрелы... Крупная дрожь пробежала по спине.

Скоро мы разошлись...

Ночью мне снилось, как шпион в чёрных очках и громадных скрипучих ботинках гонится за мной, потрясая револьвером и зловеще усмехаясь. Я хочу убежать от него, но едва двигаюсь, потому что ноги словно свинцом налились...

Утро принесло новые события. Прежде всего была создана «Боевая семёрка», в которую, кроме Лёшки, Владика и меня, вошли еще четыре человека. Это были наш сосед Глеб Речкин, ученик музыкальной школы, а также шестиклассники Толик, Игорь и Генка, ребята из соседнего двора. С ними мы не всегда жили в согласии, но для такого дела все ссоры договорились забыть.

За шпионом решено было установить наблюдение, чтобы он не ускользнул куда-нибудь в свою границу. Мы заняли позиции вокруг домика с высоким крыльцом и широкими окнами, готовые последовать за нашей жертвой, куда бы она ни двинулась.

Я выбрал место в небольшом сквере напротив дома и засел в кустах акации.

Утро было ясным и прохладным. Легкий ветер шелестел в листьях, и под его мерный шорох я стал думать о различных вещах, слегка забыв про наблюдение. Вдруг позади раздался треск, заставивший меня вспомнить о моей задаче и об опасности, которой я подвергался. С дрожью в сердце повернул я голову и увидел... корову. Но это открытие не обрадовало меня. Я не боюсь собак и смело подхожу к любому незнакомому псу, будь он хоть с меня ростом. В лагере я ловил за хвост гадюк. Но коров я не люблю, и они тоже не любят меня. Вот и сейчас это рыжее создание, угрожающе опустив голову и кося блестящим чёрным глазом, стало приближаться.

В пяти шагах от меня росла высокая прямая берёза. Она была сейчас самым безопасным местом для наблюдательного пункта... Стремительно взобравшись на дерево, я оседлал толстый сук.

Не знаю, сколько прошло времени, пока я сидел на берёзе, проклиная хозяев, пускающих свой скот в сквер. Корова несколько раз подходила к стволу, чтобы почесать о него свой бок. Удаляться она, видимо, не собиралась.

Солнце поднялось и пекло ужасно. По плану меня давно должны были сменить, но теперь я не хотел этого. Что хорошего, если меня застанут в таком дурацком положении?

Как на зло, на тропинке среди кустов появился Владик. Он повертел головой, увидел меня и направился к берёзе, мимоходом треснув палкой корову. Это отвратительное животное мотнуло хвостом и легкой рысцой двинулось прочь.

– Здорово ты устроился, – приветствовал меня Владька. – Мне бы туда ни за что не забраться. Тебе хорошо видно?.. А шпиона ты всё-таки прозевал! Пошли скорей, Лешка уже следит за ним...

Услышав эту новость и убедившись, что корова далеко, я спрыгнул вниз. Уши мои горели...

Пройдя квартала два, мы увидели Лешку. Передвигался он довольно странно: то шёл медленно и осторожно, почти на цыпочках, то бросался бегом или прятался в подъезде, замирая там на некоторое время. Метрах в двадцати впереди него бодро шагал человек в сером костюме, соломенной шляпе и с папкой подмышкой.

Мы догнали Лешку, и я выругал его за глупое поведение. После этого мы с равнодушным видом последовали за незнакомцем.

Идти пришлось довольно далеко... Наконец мы оказались на берегу реки. Внизу, под обрывом, где ярко желтела песчаная полоса, слышались плеск и голоса купающихся, но мы лишь завистливо вздохнули: купаться было некогда. Человек в соломенной шляпе шёл к старому монастырю, в котором теперь помещались какие-то склады. У полуразвалившихся каменных ворот сторожа не оказалось. Двор был завален штабелями досок, ящиками и бочками. Стояло несколько грузовиков, суетились люди... К одному из этих людей и подошёл шпион. Он протянул какую-то бумажку и стал что-то объяснять.

Мы притаились за ящиками и смотрели во все глаза. Услышать разговор было невозможно, почти рядом шумел мотор грузовика. Наконец человек, видимо, какой-то начальник, кончил говорить с серым в очках. Он сложил ладони рупором и крикнул, покрывая шум:

– Федоров! Ключи у тебя?.. Ключи, говорю!.. Давай сюда живее, тут товарищу на вышку надо...

Появился парень, одетый несмотря на жару в ватник. Он лениво зашагал к собору, позвав с собой нашего незнакомца, отпер скрипучую железную дверь и, зевнув, направился обратно.

– Растяпа, – прошептал Лешка...

Шпион скрылся в двери, и мы, посоветовавшись, решили идти за ним.

Пробраться к двери было нетрудно. Она оказалась не запертой, и мы вошли в тёмное, холодное помещение. После яркого дневного света мы ничего не могли различить, несмотря на приоткрытую дверь. Пришлось зажечь фонарики. Светлые круги скользнули по узкому коридору, в конце которого уходила вверх винтовая лестница, высветили влажные стены, сложенные из крупных кирпичей. По спине у меня пробежал холодок, когда я поставил ногу на первую каменную ступень. Где-то высоко над нами глухо раздавались шаги...

– Идти? – спросил я, оглядываясь.

– Идём. До конца, – шепнул Владик.

Он проскользнул вперёд и стал неслышно подниматься. По каменным сводам металась тень. Меня охватило предчувствие жгучих (чересчур жгучих!) тайн и приключений...

Лестница привела на колокольню. Я первым осторожно выглянул из люка: шпион стоял у окна, выходящего на реку, и, открыв папку, что-то набрасывал на листе бумаги. На противоположном берегу строилась новая электростанция, и, без сомнения, наш «художник» снимал план строительства... Вот он отложил карандаш, достал папиросу, потом пошарил в другом

кармане, и в руке у него я увидел маленький никелированный браунинг. Я шарахнулся назад. Всё было ясно. Если до этого у меня и были сомнения, то сейчас я твёрдо уверовал, что вижу настоящего диверсанта...

Почти не дыша, спускались мы по истёртым ступеням. Сначала у нас появилась мысль запереть шпиона на колокольне, откуда он не мог сбежать, но потом этот план был отвергнут. У врага здесь могли оказаться сообщники, которые помешали бы нам...

Благополучно выбравшись за ограду, мы поспешили домой, где нас ожидали остальные члены «Боевой семёрки»...

Наступил вечер, полный глухой тревоги, смутного ожидания опасности. Всё было готово, план мы разработали до мелочей. Главное, нужно захватить агента до того, как он встретится с сообщником. Игорь притащил полосатый чехол от матраца, что бы засунуть в него нашу жертву. В запакованном виде шпиона предполагалось погрузить на двухколёсную тележку и доставить в органы госбезопасности. Но с тележкой в парк нас, конечно, не пустили бы, поэтому мы спрятали её на берегу в густых зарослях полыни и бурьяна. К месту боевых действий мы решили добираться на лодке, которую попросили до утра у знакомого пристанского сторожа.

Парк спускался к реке крутыми уступами. Недалеко от воды скрывалась в кустарнике полуразвалившаяся каменная беседка, возле которой, по утверждению Лёшки, и назначал встречу с другим злодеем выслеженный нами диверсант. Место было безлюдное, лишь изредка здесь уединялись гуляющие пары.

Около девяти часов мы собрались на берегу, километрах в полтора от парка. В лодке лежали два мотка бельевой верёвки, свёрнутый чехол и длинный шест. Позже всех прибежал Генка. Он притащил завёрнутую в мешковину отцовскую двустволку и пять патронов. Внушительный вид воронёных стволов несколько приободрил нас, но вообще настроение у всех было неважное.

Отправляться в путь так рано не стоило. Мы расположились на заросшем высокой травой уступе, и каждый погрузился в свои мысли.

Над далёкими тополями и крышами за поворотом реки догорал жёлтый закат. Знакомая нам колокольня чернела на светлом небе как угольная.

Над ртутной водой, над тёмным кружевом моста вспыхнули фонари. Я подумал, что, может быть, вижу всё это в последний раз, и пожалел, что не оставил дома записку на тот случай, если буду убит.

Кто-то тронул меня за плечо. Я оглянулся. Толик сидел, теребя пуговицы ковбойки, и немного смущённо смотрел на меня.

– Слушай, Олег, – негромко сказал он. – Помнишь, мы тогда подрались... Понимаешь, сегодня всякое может быть... В общем, ты не сердись, что я тебе тогда настукал.

Это была неправда. Я дрался с Толькой дважды и оба раза выходил победителем. Однако сейчас спорить не стал и кивнул головой.

Над рекой спускались темно-синие сумерки. Было тихо. Я посмотрел на ребят. Генка и Лешка возились с ружьём, Игорь лежал на спине, глядя в небо, где проступали первые звёзды. Глеб сидел, рассеянно теребя свой аккуратный чубик. Потом он снял очки и, помахивая ими, засвистел «Куда, куда вы удалились...» Рубашка Владика белела неподалёку. Он бродил в кустах полыни, доходящих ему до пояса.

– Ребята, может быть, выкупаться послед... после некогда будет, – предложил Толик неожиданно.

Вода была тёплая, мы купались минут пятнадцать и немного развеселились. Натягивая штаны, я услышал, как старинные часы на музее пробили десять раз. Бой их был глухим и тревожным.

– Пора. Поехали, ребята.

Лодка медленно вышла на середину реки и поплыла по течению.

Тихо плескали вёсла. Тёмные заросли парка приближались. Генка вложил в ружьё патроны, но мы заставили его разрядить двустволку, чтобы он не ухлопал кого-нибудь из нас. Плыли молча, только Владик спросил однажды, не боимся ли мы.

– А ты?

Он поболтал рукой за бортом и вздохнул:

– Немного. В животе холодно...

Этот юнец был смелее всех нас: безбоязненно признался, что ему страшно.

Лодка ткнулась в песок метрах в сорока от беседки. Теперь никто не мешал Генке заряжать ружье.

– Все помните, что делать? – строго обратился к нам Лешка.

– Помним...

Стараясь не шуршать в кустах, «боевая семёрка» гуськом двинулась к смутно белеющим развалинам беседки.

– Спрячемся там и подождём, пока он не придёт, – предложил Глеб. Но план был нарушен. У самой воды, рядом с кривым старым тополем чернела знакомая фигура.

Шпион стоял к нам спиной, а мы не заметили его и подошли почти вплотную. От неожиданности мы присели и перестали дышать. Диверсант был неподвижен, видимо, о чём-то задумался. Потом он достал папиросу и стал шарить в карманах, отыскивая спички.

В этот момент Генка совершил глупость, которая едва не погубила всё дело. Выскочив из кустов, он направил на шпиона ружье и сказал тонким голосом:

– Руки вверх!..

Враг обернулся, и в руке его тускло блеснул пистолет. Меня словно толкнули в спину. Пригнувшись и ожидая выстрела навстречу, я бросился к шпиону и ударил его по руке. Браунинг описал дугу и булькнул в воде. В ту же секунду я отлетел в сторону и трахнулся головой о тополь. На меня свалился Владик. В трёх вагах от нас кипела свалка.

– Помогите! Грабят!.. – раздался глуховатый мужской голос. Его перебил звонкий крик Игоря:

– Отойдите, дайте мне!

Потом над головами взметнулась какая-то тень. Всё это произошло в одну секунду. Когда я вскочил и включил фонарик, то увидел, что на шпиона надет полосатый чехол. Враг ещё пытался отбиваться ногами, но скоро запутался...

Его туго обмотали бельевыми верёвками и повалили на землю.

Диверсант старался что-то сказать, глухо мычал и выгибался.

– Молчать, – прикрикнул Генка и стукнул чехол прикладом по наиболее выпуклой части. Из ствола неожиданно вырвалась огненная стрела, и ружье грянуло. Дробь сорвала с тополя листву, прокатилось громкое эхо.

Когда мы оправились от испуга, убедились, что все целы, и выругали Генку, то увидели, что агент лежит спокойно. Далеко вверху раздался милицейский свисток. Надо было спешить. Мы просунули под верёвки шест у положили его на плечи и понесли нашу добычу, как тигроловы носят хищников.

В лодке шпион снова стал корчиться и мычать. Тогда Глеб обратился к нему с речью:

– Вы наш пленник, – вежливо разъяснял он. – Нас семь человек, и бежать вам не удастся. В крайнем случае мы будем стрелять. Кроме того вы можете перевернуть лодку и тогда наверняка утонете.

Диверсант перестал шевелиться и попытался что-то сказать.

– Разговаривать будете со следователем, – солидно произнёс Глеб и поправил очки, одна дужка которых была сломана.

– Интересно, с кем он хотел встретиться? – задумчиво проговорил Игорь.

Толик предположил, что пленник хотел передать другому агенту план электростанции, который срисовал на колокольне.

– Если бы не мы, полетели бы щепки от станции!

Мне послышалось, будто диверсант чересчур злорадно хмыкнул. Я не обратил на это внимания. Я ликовал, глядя на связанного врага.

Минут через десять лодка причалила к месту, где была спрятана тележка. Там нас ждала неприятность: тележки не оказалось. Поиски в бурьяне и крапиве, напоминавших ночью тропические заросли, ни к чему не привели. Куда она делась, мы так и не узнали.

– Скверно, – подвёл итог Толик. – За тележку мне влетит – раз. Этого типа везти не на чем – два.

Мы успокоили его, сказав, что победителей не судят, и глупо ругать человека, поймавшего шпиона, за потерю паршивой старой тачки.

– Придётся волочить на себе, – грустно изрёк Лёшка.

– Пока его наверх затащишь, два часа пройдёт, – хмыкнул Игорь.

– Да, тяжёлый, собака.

Владик предложил развязать диверсанту ноги – пусть сам топают.

– А то таскаешь такую персону, только живот надры... Лодка! Держи!! – завопил он вдруг.

Увлёкшись поисками, мы оставили лодку без присмотра, и сейчас она медленно и торжественно уплывала по течению вместе с нашей жертвой...

...Мокрые и злые выбрались мы на берег. Шпион в лодке не переставал мычать и дёргаться. Вытащив его на песок, мы почувствовали себя совершенно обессиленными. И тут случилось то, что значительно ускорило развязку событий: раздался треск материи, и в свете фонариков стало видно, как из чехла высунулась голова диверсанта в помятой соломенной шляпе.

– Негодяи, – раздался его хриплый голос. В тот же миг Игорь, стоявший рядом со мной, как-то странно икнул и пропал. Я изумленно оглянулся и увидел, что он сидит в бурьяне и старается замаскироваться.

– Олег, милый, – с отчаяньем прошептал он, – это не шпион. Это наш знакомый, художник. Он работает в городской газете...

Я вдруг почувствовал, как сильно болит у меня затылок, лёг навзничь и стал смотреть в небо. Мне было все равно. Словно сквозь туман доносились голоса. Чаще всего слышалось слово «хулиганство» и другие неприятные слова. Лжешпион бушевал, освобождаясь от пут. Иногда он все-таки переставал ругаться и давал объяснения, потому что Генка все еще не опускал двухстволку.

Наконец художник стряхнул с себя чехол и встал, скрестив на груди руки.

– Гм... Шпион. Диверсант... В милицию вас...

– У вас был пистолет, и потом... вы что-то рисовали, – смиренно заметил Толик.

– Ха! Пистолет... Зажигалка! Кстати, где она? Ах, в реке... Рисовал, конечно. Да, именно станцию. Для завтрашней газеты... Тоже мне, детективы...

Он помолчал, потом задумчиво произнёс:

– Что же мне с вами делать?

Вопрос прозвучал так, будто наш бывший пленник мог нас немедленно приговорить к смертной казни. Я вспомнил, как этот грозный человек недавно болтался связанным на шесте и вдруг фыркнул от смеха.

Я понимал, что это глупо, но не мог удержаться и к своему удивлению услышал, что ребята тоже начали смеяться. Через несколько секунд мы хохотали во всё горло. Тогда наконец не выдержал и «диверсант». Он басовито загоготал. На лицо художника упал свет фонарика, и мы увидели, что он совсем молодой.

Перестав смеяться, он заметил, что, хотя нас и больше, но потрёпаны мы сильнее его.

– Вот что, шерлоки холмсы, – сказал «шпион». – Мне всё-таки надо встретиться с... с моим сообщником. Так что доставляйте меня обратно.

Мы заняли место в лодке. Игорь устроился на корме и сидел молча, по вполне понятной причине не желая быть узнанным. Толик был мрачен, его печалило исчезновение тележки и вытекающие из этого неприятности.

Остальным было весело.

Лодка остановилась в том же месте, что и в прошлый раз. Художник поправил понятую шляпу, выскочил на берег, и, махнув нам рукой, направился к беседке, возле которой смутно виднелась фигура в белом платье.

Вдалеке послышался бой часов. Двенадцать раз...

– Эх и влетит же нам дома, – протянул Генка, завёртывая в мешок ружье.

– А-а... Семь бед... – беспечно махнул рукой Игорь.

Владик, включив фонарик, рассматривал колено; оно было разбито, и кровь стекала по ноге чёрной струйкой.

– Наверное, попадет, – согласился он. – А за что? Как будто мы виноваты... Это шпион виноват, что оказался ненастоящим.

И, наклонившись, он стер с ноги кровь рукавом белой рубашки...

1958 г.

Четыреста шагов

После «мертвого» часа жизнь в пионерском лагере пошла по-старому. Родители разъехались. Ребята дожевывали привезенные гостинцы.

Виталька сидел у палисадника и смотрел сквозь деревянные планки па дорогу. Он нарочно ушел в дальний уголок. Здесь никто не мог увидеть, что Виталька глотает слезы.

Отец не приехал, хоть и обещал в письме.

Виталька ждал его с утра. В одиннадцать часов пришли два заводских автобуса, но среди приехавших гостей папы не оказалось.

Виталька успокоил себя: «Приедет с Володи». У их соседа Володи Крюкова была своя машина.

Теперь уже близился вечер, и ждать не стоило. Виталька это понимал. Но как только вдали появлялось золотое от солнца облачко пыли, он прижимался лицом к планкам палисадника и ждал, когда машина подойдет поближе. Чаще всего это был загородный автобус или какой-нибудь «москвич» с дачниками. Проезжал иногда колхозный грузовик. А знакомой «победы» с брезентовым верхом не было.

Автомобили скрывались в роще за поворотом, пыль оседала на придорожные кусты. И Витальке делалось еще тоскливее...

Юлька подошла совсем неслышно. Виталька вздрогнул от её голоса и поспешно стряхнул с ресниц предательские капли.

– Что, Вить, не приехал твой папка?

Он только покачал головой, чтобы не выдать себя голосом. И не обернулся. Больше всего не хотелось показывать при Юльке, что у него глаза на мокром месте. Ни при ком не хотелось, а при Юльке особенно.

Наоборот, надо, чтобы Юлька считала его твердым и смелым. Виталька очень мечтал об этом. Правда, никому на свете он не рассказывал про такие свои мысли, а Юльку даже дразнил при ребятах «мухомором» за красный сарафан с горошинами.

Но когда Виталька оставался один, он придумывал всякие истории. Например, где-нибудь в лесу они вдвоем отстанут от отряда, и Юлька вывихнет, ногу. И Виталька потащит её на себе до самого лагеря.

«Брось, – всхлипывая, станет уговаривать она. – Беги лучше за вожатым».

Но уже начнет смеркаться, и он не оставит Юльку. «Нельзя, – скажет Виталька. – Опасно. Волки здесь, пожалуй, встречаются не часто, но все-таки... Ты можешь простудиться, если будешь лежать на земле.»

И может быть, тяжело дыша от усталости, он признается, что хочет стать моряком, что видит во сне белые океанские пароходы и гремящие штормы в десять баллов... Он скажет это и понесет её дальше, потому что моряки не сдаются...

Но Юлька не отставала от отряда и ногу не вывихивала. И тонуть в реке, видимо, тоже не собиралась. Да и плавала она лучше Витальки, хоть была ничуть его не старше: тоже девять с половиной лет.

Правда, Виталька знал, как еще можно показать Юльке, что человек он храбрый. Надо было у неё на глазах перемахнуть с шестом через овражек доверху заросший кустами смородины и высоченной крапивой. Но прыгать так решались только самые старшие ребята да и то, когда рядом не было взрослых. Мальчишки опускали конец длинного шеста на дно овражка, где журчал невидимый среди зарослей ручей. Потом кто-нибудь с разбегу хватался за шест, отталкивался и плавно перелетал на другой берег. Юлька каждый раз зажмуривалась и ойкала.

– И я могу, – шептал чуть слышно Виталька. А когда он, будто случайно, подходил к шесту, ноги становились тяжелыми, и от противного страха слабели руки...

Но сейчас Витальке было не до подвигов. Лишь бы Юлька не заметила слез. А она села рядом и успокоила:

– Может, он завтра приедет. Ты не плачь.

Виталька понял, что все пропало. Надо было тут же сказать что-нибудь про пыль, про солнце, от которого слезятся глаза. Но он не сумел. После Юлькиных слов он вдруг не сдержался и начал всхлипывать по-настоящему. Он сидел, прижавшись лбом к твёрдой дощечке палисадника, и знал, что Юлька смотрит на его вздрагивающие плечи.

Потом Виталька почувствовал на плече её ладошку.

– Вот увидишь, приедет, – пообещала Юлька. И тут же спросила:

– Хочешь пирога? С морковью. Это мне бабушка привезла.

Виталька кивнул. Теперь было все равно. Всё еще всхлипывая, он начал жевать кусок со сладкой морковной начинкой. Стало уже легче, словно со слезами вылилась и тревога, и обида на отца, и грустные воспоминания о доме, которые сегодня привязались с утра.

Но Юлька... Надо было сейчас сказать такое, чтобы эта тоненькая девчонка с редкими веснушками на переносице и в красном сарафане с белыми горошинами не думала, будто Виталька плакса.

Он обернулся... и понял, что ничего говорить не придется. Юлькин сарафан мелькал уже среди дальних березок. Разве она может хоть три минуты посидеть на одном месте! Ей и дела нет уже ни до Витальки, ни до его слез.

Виталька сжал в кулаке остатки пирога, и на траву посыпались розовые морковные крошки. Ладно! Завтра он так махнет через овражек, что Юлька вскрикнет и целую минуту будет бояться открыть глаза.

Сегодня Витальке не до этого. А завтра он обязательно прыгнет.

Перед самым отбоем кто-то из ребят крикнул в окно палаты:

– Витька, к тебе приехали!

Виталька бросился к дверям.

За воротами, у знакомой «победы» стоял отец. Был там и Володя, и еще какой-то человек, высокий, в соломенной шляпе. Но Виталька не обратил на них внимания.

Его подхватили сильные руки.

– Ну что ты, Витек, – говорил папа. – Ты же будущий штурман. Помнишь? «И слезу из глаз не выдавит ни беда, ни черный ветер...»

– Штурман... А если тебя целый день нет и нет, причем здесь песня? – прошептал Виталька.

Оказалось, что отец сегодня работал, а выходной взял на понедельник. Этого требовал какой-то неумолимый «график».

– И мама приехать не могла. Галка-то сегодня не в яслях, – сказал папа.

– Я понимаю, – вздохнул Виталька.

Через минуту забылись все горести. Папа, Володя и их знакомый инженер Борис Иванович приехали не просто так, а на рыбалку. И Витальку решили прихватить. Оказывается, уже договорились с начальником лагеря. Он отпустил Витальку на ночь и на завтра до ужина.

– Ура! – завопил Виталька и нырнул в кабину. – Едем!

– Ты бы оделся, – посоветовал отец. – Смотри, простынешь. И комары заедят.

Но Виталька умоляющим голосом сказал:

– Поедем скорей. Комаров почти нет, а ночь теплая. Мы завернемся в твой плащ.

У реки они разделились на две группы. Володя и Борис Иванович ушли за поворот, на другую сторону мыса, заросшего высоким кустарником.

Вместе с отцом Виталька собирал дрова и разжигал костер. Отец насвистывал песенку, которую когда-то они сочинили вдвоем. И Виталька про себя повторял её очень хорошие слова:

Чертят небо
Злые молнии.
Такелаж провис от влаги.
Мы должны
Нести над волнами
Наши паруса
И флаги!

– Ты какой-то очень веселый, папка, – заметил Виталька. – Почему?
– Не поверишь, если скажу.
– Отпуск дают? – догадался Виталька.
– Угу, – кивнул отец. – Будет отпуск. Помнишь уговор?
Еще бы не помнить! Вдвоем они допели свою песню, да так, что все рыбы, наверно, расплылись из этих мест:

Мы большую лодку
Выстроим.
Утром соберемся рано.
Поплывем рекою быстрою
Прямо –
К океану!

Надо быть очень упорными,
Чтобы плыть только вперед.
Пусть на встретит море штормами,
Штормами
Всех широт!

– Ну, пусть не на лодке, а до моря доберемся, – пообещал папа, – жить там будем самостоятельно. Не боишься?

Виталька сказал, что самостоятельная жизнь в миллион раз лучше всяких курортов.

– Я тоже так думаю, – согласился папа. – А поэтому шпарь к Володе. Я там котелок забыл в машине. Беги через кусты, по тропинке.

Виталька совсем не ожидал сегодня новых неприятностей. А тут на тебе!

Было уже темно. Только на северо-западе светлело небо. Там над дальним берегом остывала зорька. Кругом угрожающе темнели высокие кусты. Виталька понимал, конечно, что ничего страшного там нет. Но хоть и понимал, а всё равно боялся. В темноте всегда лезет в голову всякая ерунда: а вдруг что-нибудь лохматое и непонятное зашевелится в кустах, заблестит зелеными глазами. А потом *оно* протянет полосатую лапу...

– Лучше я берегом схожу, – упавшим голосом проговорил Виталька.

– По тропинке ближе, – возразил отец. – Срежешь поворот. Здесь всего шагов двести.

– Это твоих двести, – вздохнул Виталька. – А моих? Наверно, четыреста будет.

Но дальше спорить он не решился.

Сделав три шага Виталька оглянулся.

– Ну, что же ты? – удивился папа. – Не понял дорогу? Иди всё прямо.

– Понял... – сказал Виталька.

Папа вдруг усмехнулся:

– Ну и недогадливый я. Конечно, ведь темно уже. Ладно, раз боишься, я схожу.

Виталька секунду назад сам хотел сказать, что ему страшно. Ну и что? Он ещё не взрослый. Это большие не боятся ночных дорог. Но тут словно язык его потянули не в ту сторону. И Виталька пробормотал:

– Конечно, темно... У меня ноги голые, а там разные сучки да колючки.

– Ну, понятно, – рассмеялся папа. – А я думал, тесноты испугался мой морячок. Надевай тогда эти скороходы. В них никакие колючки до тебя не доберутся.

Он сел на траву и принялся стягивать тяжелый кирзовый сапог. Виталька сразу представил, как трудно шагать в большущих «скороходах» среди темного кустарника. А если *оно* засветит в черных листьях свои глаза и вытянет мохнатую руку? Разве убежишь в таких сапожищах?

– Я в них утону, – уныло сказал Виталька. – Лучше уж так... Ну, я пошел.

И Виталька шагнул на тропинку.

Вверху было темно-синее небо и неяркие звезды. А кругом обступила темнота. В ней жили черные лохматые кусты-звери. Они угрожающе шептались. Подбирались вплотную. Хватили ветками за плечи, цеплялись за ноги. Большие листья, как чьи-то холодные ладони касались лица...

Виталька шел медленно. Он не смотрел по сторонам и считал шаги. Он боялся идти быстрее, чтобы не нарушить покой того страшного, кто мог бы скрываться во мраке.

– Ведь нет же никого, – еле слышно шептал он. – Нет никого кругом. Кого бояться? Сто семнадцать... Сто двадцать... Сто двадцать три...

Но страх не проходил. Виталька чувствовал, что всё в нем напряглось. Будто сотни струнок натянули до отказа. Только сердце то свободно бухало, словно болталось в железной бочке, то настороженно замирало. Если бы сейчас громко хрустнула ветка, или кто-нибудь вышел на тропинку, Виталька рванулся бы, куда глаза глядят, не думая и ничего не помня от страха.

После двухсот семидесяти шагов он миновал полянку. Здесь было посветлей, но от этого ещё страшнее стало снова углубляться в кустарник.

На триста двадцать седьмом шагу Виталька заметил среди веток слабый огонек.

Больше он шагов не считал. Он пролетел оставшийся путь сквозь хлещущие кусты за несколько секунд. И выскочил на берег.

Володя и Борис Иванович сидели у костра. Они разом уставились на растрепанного мальчишку. Борис Иванович охнул и покачал головой:

– Силён! Я думал, кабан через чашу прет.

– Разве они здесь есть? – дрогнувшим голосом спросил Виталька.

– Ну что ты, – сказал Володя. – Никого здесь нет. Тебе котелок? Сейчас...

Обратная дорога не так пугала Витальку. Он даже забарабанил один раз по котелку в такт словам, которые вспомнились назло страху:

Мы большую лодку выстроим...

Чёрные кусты решили, наверно, отомстить мальчишке за дерзость. Когда Виталька перешел знакомую полянку, он осмелел так, что решил оглядеться. И тут его будто ударило током!

Низко у земли из кустов смотрели два тусклых белесых глаза.

В первую секунду Виталька не мог двинуться. А потом почувствовал, что если побежит, *оно* обязательно помчится следом.

Боком Виталька начал отступать к кустам. Глаза не двигались. Не шевелились, не моргали, но и не гасли.

Виталька остановился. Что его держало, он и сам не понял. В голове прыгали коротенькие испуганные мысли. И сквозь страх всё равно пробивалась песенка о быстрой лодке. Пробивалась сама по себе, как ручеек сквозь холодный снег. Ведь бывает, что какие-то слова или мотив привяжутся и вертятся в голове в самые неподходящие минуты.

Но вдруг где-то далеко крикнул пароход, а потом Виталька услышал, что кругом очень тихо. Только сердце громко ударялось о рёбра, да песенка звенела настойчиво и внятно. Хорошая песенка про моря, паруса и флаги.

А кусты перестали шептаться. Наверное, ждали, что же будет. И они дождались удивительного. Мальчишка негромко крикнул и бросил котелком в страшные глаза. Бросил и не побежал. Глаза шевельнулись и замерли.

– Ладно! – звонко сказал Виталька. – Значит ты не живое! Ты бы убежало!

И он пошел через поляну. Сердце беспорядочно колотилось, но он дошел до другого края кустов. И за два шага Виталька увидел, что никаких глаз нет. На высоких стеблях цвели две большие ромашки.

Виталька нашел котелок. Ромашки срывать он не стал. Сначала хотел сорвать, а потом не тронул. Он отдохнул немного, присев рядом с ними. Над головой спокойно шептались о своих делах листья...

Через десять минут котелок висел над огнем. В нем закипал густой коричневый чай.

Виталька сидел у костра. Он завернулся в плащ и прижался щекой к отцовскому плечу. Плясало пламя. Оранжевые блики долетали до черных кустов. За костром был виден темный берег и светлая река. Вода отражала небо с медной полоской зари у самого горизонта. Ближе к зениту небо казалось совсем темным, ночным, а за рекой оно еще было вечерним. И там, где вечер смешивался с ночью, висел узкий месяц, а недалеко от него – белая переливчатая звезда.

– Как она называется? – спросил Виталька. – Вон та большая звездочка, не знаешь, папа?

– Знаю. Это Венера.

– Я тоже знаю. Нам рассказывали, что там есть моря. Правда?

Отец обхватил Витальку за плечи, прижал крепче.

– Мало тебе океанов на Земле? Там, на Венере, есть, говорят, и леса. Черные и дремучие.

– Ну и что?.. – сказал Виталька. Он вспомнил тропинку в ночном кустарнике и пожалел, что нет здесь Юльки. Она бы, небось, ни за что не пошла бы там одна. А он пошел. Но Юлька не видела этого. Значит, придется все-таки прыгать с шестом, чтобы доказать ей...

Виталька устроился поудобней и стал ждать, когда закипит чай.

Прыжок Витальку теперь не пугал.

1959 г.

Бабочка

Дул сырой октябрьский ветер. Он бросал на тротуары кленовые листья, похожие на ярких бабочек. Листья сначала празднично желтели на мокром, чёрном асфальте, потом пропитывались влагой и делали блеклыми и скучными. Дождя не было, но серые облака низко нависали над крышами.

Шурик понуро шагал из школы. Нет, плохого ничего с ним не случилось. Но он привык, чтобы каждый день случалось что-то хорошее, а разве может произойти что-нибудь радостное, интересное в такой хмурый день, как сегодня?

И оказалось, что может...

На тротуаре валялся спичечный коробок. Шурик ударил по нему носком ботинка, коробок подлетел и перевернулся вверх наклейкой. Наклейка оказалась оранжевой, с чёрным всадником в широкополой шляпе.

«Красивая,» – подумал Шурик и решил: – «Отдам Глебке, ему пригодится».

Глебка был соседом Шурика. Он учился в пятом классе, а Шурик только во втором, но они были друзьями.

Глебка очень интересный человек. Он собирал без всякого разбора почтовые марки, старинные монеты, спичечные наклейки. В ящике его стола валялись вперемешку цветные камешки, раковинки, открытки и другие занимательные вещи. О каждой монете, о любом камешке Глебка мог рассказать историю. Может быть он их просто придумывал, но Шурик слушал внимательно, хотя и не всегда верил.

Глебка внимательно рассмотрел наклейку и сказал уверенно:

– Мексиканская. Вот гляди, тут написано...

– Ме-хи-со, – с трудом разобрал Шурик мелкие чёрные буквы.

– Эх ты, «мехисо», – рассмеялся Глебка. – Мексика. Это по-испански...

Чтобы выломать верхнюю крышку с наклейкой, Глебка открыл коробок. Вот так штука! В коробке была вата, и в ней лежала похожая на маленькое толстое веретено куколка бабочки. Она была коричневая и твёрдая. Шурик осторожно положил куколку на ладонь и вопросительно взглянул на Глебку.

– А она... тоже мексиканская?

Глебка сморщил лоб и думал с минуту.

– Ага, – мотнул он головой, – конечно. Раз коробок из Мексики – значит и она... Наверное, какой-то учёный ездил туда охотиться за бабочками и привёз кокон в коробке. А потом потерял.

– Ты, наверно, врешь, Глеб, – сказал Шурик. – Какой ещё учёный?

– Ну, откуда я знаю. Не хочешь – не верь...

Они решили положить куколку между оконными рамами. Может быть, весной, когда пригреет солнце, появится на свет чудесная бабочка.

– Ты отдашь тогда мне её? Для коллекции? – Попросил Глебка.

Шурик удивился:

– Разве ты собираешь бабочек?

– Нет ещё, но буду...

– Ладно, отдам.

Шурик уронил куколку между рамами у себя в комнате, и она закатилась в самый уголок. Это было неудачно, потому что солнце туда стало заглядывать лишь в конце марта.

Март был беспощаден к снегам. Сугробы у заборов исчезли и кое-где появились уже чёрные полосы земли. Ветер как озорной мальчишка носился в переулках, рассыпая по лужам солнечные блики.

...Целую неделю солнце грело запылившийся кокон, однако он не подавал признаков жизни. У Шурика кончились весенние каникулы, а бабочка всё не появлялась. Глебка заходил каждый день и очень досадовал. Он говорил, что, наверное, апрельское солнце недостаточно горячо, чтобы разбудить тропическую бабочку.

И вот однажды, вернувшись из школы, Шурик наконец увидел её. Бабочка была крупная, почти в половину Шуркиной ладони. Она сидела на переплёте рамы, раскрыв отливающие бронзой крылышки. На каждом из них, коричневом с тёмными пятнышками и пепельно-серыми краями, выделялся сиреневый, с белой каёмкой, кружочек. Никогда Шурик не видел таких красивых бабочек. Он знал коричневых крапивниц, белых и желтоватых капустниц да ещё серых мохнатых ночных мотыльков. А эта бабочка, без сомненья, была мексиканской.

Шурик решительно взялся за дело. Нужно было достать бабочку, а для этого выставить раму. Он принялся отдирать кухонным ножом бумажные полоски, вытаскивать гвозди и распатывать тяжёлый переплет со стеклами. Маленькая сестрёнка Натка молча наблюдала за ним. И только когда Шурик выдал локтем стекло, она строго сказала, вынув изо рта палец:

– Вот мама задаст тебе.

– Сначала я тебе задам, чтоб не мешалась, – пригрозил брат, чувствуя, что в Наткиных словах немало правды.

Раму он всё-таки вынул. Но бабочка, едва к ней протянулась рука, стала шумно биться о стекло. А за стеклом сверкало солнце, и в тёмной голубизне весеннего неба, лёгкие как одуванчики, повисли круглые облачка. Везде уже сошел снег. У заборов, на солнечных припёках, выползали тёмно-зелёные стрелки травы. Почки на тополях стали заметнее. В ветвях галдели весёлые воробы.

А бабочка билась о стекло отчаянно, не переставая. У Шурика сжалось сердце. Он представил, как Глебка приколет её к листу картона длинной булавкой, и даже зажмурился.

– Ладно уж, лети... – он и толчком распахнул окно.

И улетела бабочка.

А в комнату рванулся воздух, полный весёлого гомона улицы и запахов весны...

Шурик мог бы оказать Глебке, что бабочка оказалась самой обыкновенной, но ему не хотелось врать. Он признался, что выпустил мексиканскую бабочку, и так расписал её Глебке, что тот огорчился не на шутку.

– Дубина ты, Шурик. Ведь она к теплу привыкла, а ты её в апреле на улицу... Она всё равно погибнет.

Шурик заморгал, а Глебка больше ничего не сказал и ушёл. Он дулся довольно долго, хотя настоящей ссоры не получилось.

Пришло лето.

Как-то утром Шурик вышел по двор. Там двое ребят-семиклассников, Володя и Олег, возились с велосипедами. Они собирались в лес.

– Вовчик, возьмите меня, – попросил Шурик, – я в лесу целый год не был.

Володя покрутил колесо у поставленного вниз головой велосипеда и ответил:

– Скажи, пожалуйста, радость моя, зачем мы будем брать тебя? Ехать далеко, а ты тяжёлый.

– Я совсем даже лёгонький, – печально сказал Шурик. – Жалко вам, да?

– Нам тебя жалко, – возразил добрый Олег, – но если нравится тебе трястись на багажнике, и если ты не будешь совать ноги в спицы, и если...

– Не буду совать, – заверил Шурик и добавил, что на багажнике он любит ездить даже больше, чем в такси.

На самом деле это было не так уж приятно. На асфальтовом шоссе всё шло хорошо, но километров через пять ребята свернули на тропинку, которая через частый березняк вела к лесной речке. Ветки лупили по ногам. Шурика подбрасывало на каждой кочке, и скоро у него заныло всё тело. Когда до речки осталось совсем немного, он не выдержал и сказал, что решил пройтись пешком.

Ребята укатили вперёд, а Шурик облегчённо вздохнул и осмотрелся.

Он стоял на краю широкого луга. Желтые ромашки, львиный зев и ещё какие-то солнечные цветы чуть колыхались под прилетевшим из-за ближнего леса ветерком.

И вдруг Шурик увидел бабочку. Совсем такую же, как та, выпущенная весной! Бабочка села на ромашку прямо перед Шуриком и то складывала, то раскрывала крылышки. Высокие цветы щекотали Шуркины колени, сердитая оса звенела у плеча, но он не шевелился, глядя на бронзовые крылышки с павлиньими глазками.

Значит, она совсем не мексиканская?!

Зря сердился Глебка. Сам всё придумал и сам же потом дулся... Шурик обрадовался неизвестно чему. Может быть тому, что не где-то в далёкой стране, а здесь, над весёлым лугом летают чудесные бабочки...

– Ты, наверно, та самая. Признавайся, – тихо сказал он и протянул к ромашке руку. Загорелая рука была почти одного цвета с коричневыми крылышками.

Бабочка не стала ждать, когда Шурик сорвет цветок, и, вспорхнув, закружилась над лугом. Мальчик долго следил за ней. Он подумал, что Глебке придется выдумывать новую историю о том, как и откуда взялся мексиканский коробок и куколка в нём. Он придумает...

Смеялось солнце, наливая золотистым светом маленькие облака. Покачивались цветы. Весело шелестел березняк, окаймляющий луг. И небо, синее-синее, отражалось в Шуркиных глазах...

1959 г.

Победитель

Он родился на Урале, в небольшом городке, где в мае буйно цветёт над деревянными заборами черёмуха, а в июне воздух полон тополиного пуха.

Было ему двенадцать лет.

У каждого человека есть своя мечта – у большого и у маленького. Мальчик хотел увидеть море... Он не видел его ни разу, но полюбил давно.

Всё началось с того, что попала ему в руки большая книга – детское издание «Гулливера». Мальчику было тогда шесть лет и он только учился читать. Открыв первую страницу с рисунком парусного корабля, он испугался множества слов, которые нужно было разобрать по слогам. Но добросовестно трудясь, он осилил первую фразу. Она похожа была на строчку из песни: «Трёхмачтовый бриг «Антилопа» уходил в Южный океан».

Мальчик не знал тогда, что переводчик сделал ошибку – трёхмачтовых бригав не бывает. Он прочитал эти слова ещё раз, уже быстрее, потом взглянул за окно. Серые клочья облаков неслись по ветру, словно сорванные паруса. Лишь в конце улицы чистое небо ярко синело отблеском южных морей...

С тех пор мальчик любил засыпать под шум осенних ветров. На улице скрипела незапертая калитка, и глухо гремели на крыше сорванные ветром железные листы.

...Глухо гремели волны, взбираясь на каменный причал, скрипели мачты и гудели под тугим норд-вестом паруса. Трёхмачтовый бриг «Антилопа» уходил в Южный океан...

Однажды отец мальчика получил письмо. Он прочитал его и сказал сыну, чтобы тот готовился к путешествию. Друг детства звал отца навестить его в большом городе на берегу морского залива.

– Значит я увижу море? – спросил сын.

– Ты увидишь залив, – ответил отец.

«Заливом называется часть моря, вдающаяся в сушу» – вспомнил мальчик учебник географии.

– Заливом называется часть моря... – повторил он.

– Ну что ж... Значит, увидишь.

Поезд шел два дня и три ночи. Последнюю ночь мальчишке не спалось. За окном вагона серебряные звёзды неподвижно висели в синих сумерках и отражались в тёмной глубине проплывающих мимо озёр. А когда они стали бледнеть и таять в розовой воде рассвета, поезд остановился на большом и шумном вокзале. Человек в капитанском кителе встретил путешественников и увёз их к себе домой. Мальчику сказали, что на взморье они поедут завтра.

Вечером мальчик вышел из дома. Он и раньше бывал в незнакомых городах и любил ходить один по неизвестным ему улицам. Но сейчас почему-то он чувствовал робость, словно вошёл без спроса в чужой дом. Шагали навстречу разные люди: рабочие, моряки, мальчишки. Шли свободно, уверенно. И он один был чужим в большом шумном городе, где всё говорило о близости моря.

Пройдя несколько переулков, он вышел на широкий проспект, где убегали вдаль ряды высоких лип.

Свежий ветер обгонял мальчика и бросал под ноги сухие листья – первые желтые листья близкой осени. Глядя, как ложатся они на крупный серый песок, мальчик долго шёл по аллее и не заметил сразу, что оказался в конце проспекта.

Он поднял голову и увидел, что улица упирается в полосу кустов желтой акации. А над кустами, среди поблескивающих туманных полос и редких облаков медленно двигался чёрный силуэт судна.

Мальчик вздрогнул и остановился. И вдруг облака и судно отодвинулись далеко-далеко, желтоватый блеск упал на воду, и виден стал бескрайний туманный горизонт...

Мальчик хотел броситься вперёд, но почему-то пошёл медленно и нерешительно. Через кусты он выбрался на узкий пляж.

Залив начинался у его ног и уходил к горизонту, над которым ползли серые полосы дыма от невидимых судов. И не было впереди земли, только вода и вода – широкая морская дорога. Низкое солнце плавало в золотистой дымке, и янтарный отблеск ложился на бегущие от берега волны.

– Море моё, – тихо сказал мальчик и засмеялся. Он сбросил сандалии и вошёл в воду. Дно круто опускалось, и в метре от берега вода уже достигла колен. Она была гораздо холоднее, чем можно было ожидать.

Мальчик вышел на берег и увидел, что он не один на пляже.

Неподалеку шестилетний малыш и девочка лет пяти возились с игрушечной яхтой. Привязав нитку, они пускали яхту в воду. Когда ветер далеко относил кораблик, девочка вскрикивала и тянула нитку. Прыгая по волнам, яхта возвращалась к берегу.

На девочке был красный берет. «Красная Шапочка», – подумал о ней мальчик, но тут же забыл про малышей.

Он впервые внимательно осмотрелся. Справа на берегу блестели окна многоэтажных зданий, а ближе к воде сиротливо торчала вышка старого маяка. Слева, в устье реки, над белыми громадами теплоходов висели в небе кружевные стрелы чёрных портовых кранов.

«Порт... Море... Теплоходы... – думал мальчик. – Море. Море моё...»

Кто-то неожиданно тронул его за локоть. Мальчик оглянулся. Перед ним стоял малыш, пускавший недавно вместе с девочкой яхту.

– Уплыла, – сказал он, показывая на волны. Там нырял среди гребней крошечный парус. Он был уже далеко от берега.

– Как же вы это?.. – спросил мальчик.

– Она отпустила нитку, – кивнул малыш на Красную Шапочку.

Девочка сидела на корточках у самой воды и смотрела, не отрываясь, как уплывает кораблик. Потом она тихо заплакала. Малыш поднял на мальчика серьёзные коричневые глаза.

– Ну, теперь не догнать, – сказал тот и вздрогнул, представив себя плывущим в холодных волнах. Он снова окинул взглядом горизонт. Солнце висело уже совсем низко, и косые паруса шхуны, неторопливо скользившей вдаль, казались нарисованными тушью на светло-желтом небе. «Море моё», – снова хотел сказать мальчик, но не разжал губ. Залив блестел отчуждённо, и презрительно кричали чайки. И он опять почувствовал себя так, словно по ошибке попал в чужой дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.